Annotation

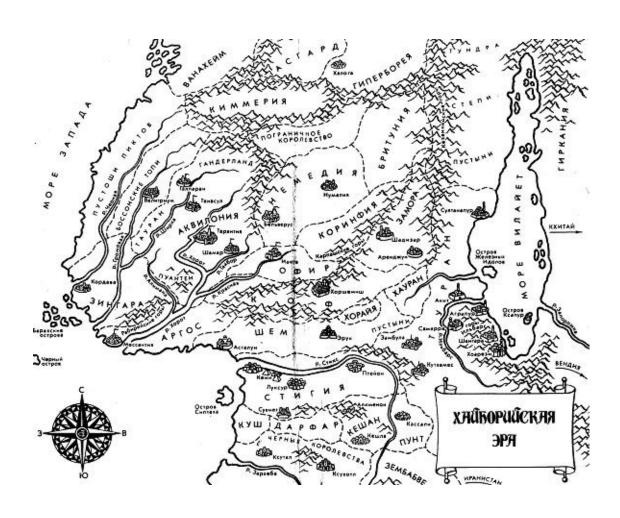
Приключение по пути в Замору в Гирканских степях — Конан встречает гнома и пытается овладеть сокровищами этого народа.

• Брайан Дуглас

0

- 1. Рыжий человечек
- ∘ <u>2. Тайна</u>
- 3. Это только начало
- <u>4. В Хорбуле</u>
- 5. У ворот храма
- 6. Жертвоприношение богине Алат
- 7. Воспоминание
- 8. Ночная битва
- 9. Хозяин ифрита
- 10. Синий камень оживает
- 11. Горы серых обезьян

Брайан Дуглас Золото гномов

1. Рыжий человечек

Бескрайни гирканские степи. На север от города Разадана до самых гор, где живут серые обезьяны, простираются они, и когда путник, миновав внутреннее море Вилайет, оказывался к востоку от побережья, и стены и башни прибрежных городов — Кешана ли, Маккалета или же Разадана — оставались за спиной, он попадал в царство пыли да ковыля, и чудилось, что этой однообразной равнине не будет конца.

Одинокого путника на покладистой гнедой кобылке не слишком волновали подобные размышления. Сказать по правде, куда больше его интересовало другое: где раздобыть немного еды на ужин, поскольку в Разадане он сумел запастись весьма скудным провиантом, который чересчур быстро подошел к концу.

Всадник был молод. Если бы не мрачное выражение лица и беспощадный холод в синих глазах, сверкающих из-под нечесаной копны длинных черных волос, так и подмывало бы назвать его "мальчиком". Однако Конан из Киммерии уже давно не был мальчиком. Он был мужчина и воин, бродяга-варвар из далекой северной страны, успевший за недолгие годы закалиться в дюжине сражений. Сейчас он отправлялся на восток, не имея никаких определенных планов. Вернее, план у него был — Конан намеревался в один прекрасный день завоевать весь мир, иметь много золота, купаться в роскоши, наслаждаться ласками влюбленных женщин и время от времени развлекаться грандиозной кровавой битвой, когда прискучит все остальное. Ибо

битва, по глубочайшему убеждению Конана, — единственное, что никогда не может утомить однообразием. Но поскольку будущий покоритель царств владел в настоящее время лишь старым двуручным мечом, рукоять которого торчала над его бронзовым от загара плечом, да гнедой кобылкой, купленной по случаю на краденые деньги, то и мысли его не заносились слишком высоко. Он был голоден.

Солнце уже клонилось к закату. Ночи наступали здесь мгновенно: тьма проглатывала последний солнечный луч и тут же заливала необъятные степные просторы чернильной чернотой, щедро метнув на небо пригоршню сверкающих звезд. И вместе с тьмой на землю опускался холод.

Подумав, Конан остановил лошадку и спешился. Он проклинал себя за то, что не обзавелся луком со стрелами. Мог бы убить дейрана... Хотя вряд

ли, стрелок он был неважный. Предпочитая любому оружию добрый старый двуручный меч, не брезгуя при случае топором или кинжалом, по части стрельбы в цель Конан был слабоват. Как все киммерийцы, он отдавал предпочтение ближнему бою и наслаждался рукопашной схваткой, в которой не знал себе равных.

Он заметил норку мышки-полевки, вынул из ножен свой огромный меч и пошуровал там, надеясь подцепить зверька на острие. Безрезультатно. Осмотрев клинок с таким видом, будто старая сталь была виновата в том, что не сумела поймать для своего хозяина даже мыши, Конан пожал плечами. В конце концов, человек должен уметь переносить голод, холод и пытки, иначе грош ему цена.

С этим похвальным рассуждением он привязал лошадь к кусту чертополоха, завернулся в свой старый плащ и заснул на голой земле под тихое сияние угасающего заката.

Проснулся он на рассвете, мокрый от выпавшей росы, однако разбудил его не холод. Голоса. Не далее, как в миле отсюда, были люди. Голоса были довольно громкие, уверенные, следовательно, говорившие в степи — у себя дома и ничего не боятся. Вероятнее всего, купцы — караван из Аграпура, направляющийся в далекий Кхитай. Тем лучше, хищно усмехнулся Конан. В караване всегда есть чем поживиться.

Недолго раздумывая, он стряхнул с себя росу, заодно и умывшись, отвязал лошадку и сел в седло, забросив ножны с мечом за спину.

Не переча, кроткая кобылка лишь покосилась большим карим глазом на своего хозяина, когда тот плюхнулся в седло всей тяжестью своего изрядного веса — сто восемьдесят фунтов, преимущественно стальной мускулатуры и крепких костей.

Вскоре показались люди. Увидев их, Конан вздохнул. положительно не везло с тех пор, как глинобитные стены Разадана остались позади. Он рассчитывал встретить плохо охраняемый караван и без помех разграбить его, обратив в бегство и поубивав трусливых охранников, а вместо этого увидел пятерых крепко сбитых мужчин, одетых в такую же поношенную одежду, что и он сам. На этом сходство между ними и Конаном не исчерпывалось. Как у всех, кто "ест с клинка", то есть зарабатывает себе на жизнь когда разбоем, а когда и службой в какойнибудь армии, где дисциплина послабее, а военачальники несговорчивее в тех случаях, когда речь заходит о взыскании контрибуции, оружие у них находилось куда в лучшем состоянии, чем все остальное. Хищные обветренные физиономии, выгоревшие на жарком солнце волосы, поджарые тела, все это яснее ясного характеризовало незнакомцев как

компанию отъявленных головорезов.

Они столпились возле большой ямы и, оживленно галдя, с увлечением тыкали в нее древками своих пик. Из ямы доносилось шипение, невнятное бормотание и глухое рычание, как будто там бесновался пойманный дикий зверь. Разбойники были так поглощены своим развлечением, что не сразу заметили появление Конана. Киммериец подъехал к ним совсем близко. Гнедая кобылка ткнула мордой в спину одного из склонившихся над ямой — в широкую, крепкую спину, облаченную в лопнувшую кожаную куртку с темными потеками пота и белыми пятнами соли под мышками и на лопатках.

Только тогда они спохватились и мгновенно ощерились пиками.

Конан развел руки в стороны, показывая, что не затаил кинжала или другого оружия.

- Ты кто? повелительно крикнул рослый воин с желтыми прямыми волосами. В ухе у него качалась серебряная серьга в виде полумесяца, правое запястье охватывал широкий серебряный же браслет с небольшими шипами, расположенными попарно видимо, символ женских грудей. Все это Конан увидел мгновенно. В Разадане что-то толковали о старой полузапрещенной богине, проливающей на эту иссушенную жаром землю благодатную влагу, сцеживая ее из своих сосцов. Храм Матери Дождя находится, как ему теперь вспомнилось, где-то в степях, чуть севернее реки Запорожки. Следовательно, быстро прикинул Конан, эти пятеро вполне могут быть запорожскими казаками говорят, драчливые воины этого боевого братства чтут Мать Дождя и порой приносят ей довольно кровавые жертвы.
- Я Конан из Киммерии, ответил юноша громко и тут же спросил: А ты кто, сын Матери Дождя? На суровом лице желтоволосого мелькнула улыбка.
- Я Аскольд Из-За Порога, ответил он. Если ты из нашего братства, то добро пожаловать, Конан.

Он говорил с жестким акцентом, и имя киммерийца прозвучало гортанным "Хонан".

- Я охотно воспользовался бы вашим гостеприимством, Аскольд Из-За Порога, — ответил Конан. — Однако не стану лгать, я не из вашего братства.
- Откуда же ты знаешь о Матери Дождя? спросил Аскольд и снова поднял опущенную было пику.
 - Слыхал в Разадане, когда покупал лошадь.
 - Лживые россказни трусов, чьи мозги заплыли жиром, пока они

отсиживались за стенами и дышали

смрадом подгоревшей пищи и собственных испражнений, — резко сказал другой воин, пониже Аскольда, но пошире его в плечах. — Не будь я Инго Осенняя Мгла, если они не наплели тебе с три короба всякой ерунды...

— Я их не слушал, — ответил Конан. — Так, краем уха. Зачем мне чужие боги, если у меня есть мой собственный. У нас в Киммерии для мужчины есть только один бог — Кром. Когда младенец явится на свет и. запищит, старик глянет разок в его сторону и наделит волей, чтобы он мог, когда подрастет, убивать. А после уж отвернется и навек о нем забудет. И правильно. Его дара вполне достаточно, чтобы стать воином, а большего и желать нельзя.

Выслушав эту тираду, светловолосые бродяги одобрительно закивали и опустили пики. Только Аскольд все еще поглядывал на киммерийца настороженно и цепко.

- Где это Киммерия? спросил он.
- Далеко на севере.

Аскольд покачал головой, и серьга его блеснула на солнце.

— Никогда не слыхал.

Из ямы снова донеслось ворчание. Конан спешился, снял седло и пустил кобылку пастись к лошадям запорожцев. Потом тоже подошел к яме и заглянул туда, ожидая увидеть попавшего в ловушку стенного волка. Однако его глазам предстало нечто совершенно неожиданное.

По дну ямы метался, выкрикивая бессвязные угрозы, низкорослый рыжий, человечек, коренастый, заросший до самых глаз бородой. На нем была курточка в полоску — красный цвет чередовался с ядовито-желтым, и синие штаны, заправленные в сапоги из мягкой кожи. Когда кто-нибудь из казаков тыкал в него древком, он подскакивал и разражался новым потоком проклятий, мешая слова нескольких языков и потрясая в воздухе короткопалыми, довольно толстыми руками, густо заросшими рыжим волосом. Это очень забавляло казаков.

— Во здорово! — восхитился Конан, по-детски ухмыляясь, и тоже потыкал в человечка рукоятью меча.

Человечек вскинул голову и засверкал узкими зелеными глазами с золотистым, вытянутым, как у кошки, зрачком.

Из того, что Конан сумел разобрать, половина была непристойностями весьма гнусного свойства, а половина — добрыми пожеланиями, как-то: чтобы конь сбросил мерзавца с седла в минуту решающей битвы, чтобы меч его не разил никого, кроме своего хозяина,

чтобы ладья его пошла ко дну, напоровшись на камни у Смертного Переката на бурной реке Запорожке...

Конан с удовольствием слушал грязную брань. Не так давно ему случилось осесть на довольно долгий срок в шелковой опочивальне одной знатной дамы Митра свидетель, славная женщина! — и насмотреться там на самую изысканную роскошь. Конан решил, что коли ему предстоит впоследствии купаться в богатстве, нужно хотя бы выяснить, какие удовольствия можно из этого извлечь. В числе прочих диковин он увидел у нее золотые клетки с певчими птицами, которые, по мнению неотесанного варвара, пищали довольно противно и всегда не вовремя. Нет, никаких птичек, решил он про себя. Но вот этого коренастого рыжего человечка он с удовольствием посадил бы в золотую клетку, чтобы иметь возможность в любое время наслаждаться его великолепной бранью. Отличная штука, куда слаще пения.

Внезапно человечек прервал ругань, заметив среди склонившихся над ямой физиономий новую — обрамленную черными лохматыми волосами, синеглазую, юношескую. Жизнерадостная белозубая ухмылка от уха до уха, сверкавшая на загорелом до черноты лице, показалась ему довольно-таки глупой.

- А это что за отродье Нергала? вопросил он и потыкал в сторону Конана своей короткопалой рукой. Кого еще ты взял в свою банду, Серебряная Серьга? Неужели ты думаешь, что если я соглашусь показать, где спрятано золото гномов, этот парень позволит тебе и твоим дурням унести его без помех? Ей-ей, простоват ты, Серебряная Серьга, хоть и воображаешь себя вождем. О нет, Длинная Пика, Белая Борода, всем вам не жить, заснете навек с дыркой в ухе на каком-нибудь привале... Ибо сказано: бойся льстивого голоса да черного волоса. Он чужак. Зачем взяли его к себе?
- Какое золото? спросил Конан у Аскольда, пропустив мимо ушей все обвинения, выдвинутые в его адрес рыжим человечком.
- Золото гномов... задумчиво проговорил Аскольд. И тут только спохватился. Золото, да не про тебя, сказал он. Я почему-то думаю, что тебе с нами не по пути, Конан из Киммерии.
- Почему же? Конан широко улыбнулся и взял меч поудобнее. Правда, я не убиваю по ночам, как советует ваш рыжий приятель, но от золота гномов не откажусь.
- Болван! прошипел Аскольд. Что ты можешь знать о золоте гномов!
 - Только одно: что золото всегда кстати, чье бы оно ни было, гномов,

великанов, драконов или самого Эрлика.

— Смотри ты, какой шустрый, — удивился Инго Осенняя Мгла. — Молод ты еще так рассуждать, парень.

Если Конан чего-то и не выносил, так это указаний на свою юность. Сам он свой возраст исчислял не годами, а битвами. Поэтому он сжал губы и смерил коренастого Инго мрачным взором.

- Как и о чем мне рассуждать не тебе решать, Инго, сказал он угрюмо.
- Вот что, решительно проговорил Аскольд. Послушай, что я скажу тебе, Конан из Киммерии. Много лет мы охотимся за золотом гномов. Мы подстроили эту ловушку, мы выследили гнома и долго гнали его по степи, грозя затоптать конями, пока он не выбился из сил и не примчался, в поисках спасения, прямо туда, куда мы его гнали. И вот мы поймали его. Это стоило нам немало времени и сил. Почему ты думаешь, что можешь явиться на все готовое и потребовать свою долю? Степь широка. Езжай своей дорогой, мальчик из Киммерии, и пусть твой суровый бог улыбнется тебе еще раз.
- Я тебе не мальчик, резко возразил Конан и тряхнул головой. Что касается остального... Степь широка, да тропинка узка. И я с нее не сойду.

Вместо ответа Аскольд сделал выпад пикой, целясь в широкую грудь Конана. Атака была столь внезапной, что Конан едва успел отклониться и закрыться мечом.

Теперь все обиды, вся злость и алчность, вспыхнувшие было в его простой душе, исчезли и осталось только холодное ровное пламя битвы. Конан погружался в схватку, полностью забывая себя, как любитель черного лотоса погружается в ароматы ядовитых курений.

Аскольд был опытным воином и умело обращался с тяжелой пикой, хотя драться конным было ему привычнее, чем пешим. Он нанес Конану уже две небольшие раны. Конан только оборонялся, не атакуя. Он выжидал. Холодные синие глаза варвара настороженно следили за каждым движением рослого желтоволосого казака.

Шаг за шагом Аскольд теснил киммерийца к яме. Конан отбил еще один выпад пики и вдруг молниеносным движением направил удар в незащищенный живот своего противника. Клинок пропорол кожаную куртку и вонзился в тело. Мгновение Аскольд стоял прямо, выронив пику и схватившись руками за меч Конана. Кровь выступила на его ладонях, так сильно сжал он обоюдоострый клинок. Затем изо рта у него вытекла струйка крови, и он рухнул на землю. Конан выдернул меч из тела, В

ноздри ему ударило зловоние.

Четверо оставшихся казаков ошеломленно уставились на Конана. Глядя, как он отступает под натиском их предводителя, они уже полагали молодого киммерийца убитым и никак не ожидали такого оборота дела. Конан холодно смотрел на них, готовый к новому поединку.

Со дна ямы донесся хриплый хохот.

— Один! — крикнул рыжий. — Ха! Молодцы! Кто следующий? Потешьте старика Алвари! Ах, сколько крови пролито вокруг золота гномов! Вы еще не видели его, а уже убиваете друг друга! Как же я повеселюсь, когда вы доберетесь до страны тумана и увидите в тусклом свете нашего северного солнца его волшебный блеск!

Гном метался по дну ямы, узкие кошачьи зрачки его зеленых глаз расширились от возбуждения, он размахивал кулаками и подпрыгивал. Сверху до него доносился тяжелый топот ног, обутых в сапоги, звон стали, тяжелое дыхание, вырывавшееся из воспаленных ртов. Вдруг над краем ямы-ловушки показалось смертельно-бледное лицо, рассеченное кровавой полосой. Из разверстого рта хлынула кровь. Алвари едва успел отскочить. Лицо поникло, и бледная рука с посиневшими ногтями бессильно упала рядом, два раза дернулась и обмякла.

— Второй! — проскрежетал гном. — А киммериец молодец. Эй, киммериец! завопил он во всю глотку и даже приподнялся на цыпочках, вытягивая шею. Молодец, киммериец! Бей их! Руби! Золото твое! Завоюй его, убей этих ублюдков, недостойных коснуться сокровища страны туманов! Ха, вот славная потеха! Наконец-то и меня развеселили люди!

Третий труп свалился в яму через несколько минут и всей тяжестью обрушился на гнома, придавив его. Удар был так силен, что маленький человечек потерял сознание.

Он очнулся от того, что его выволакивают из ямы, довольно бесцеремонно ухватив за шиворот и кожаный пояс. Труп, едва не задушивший Алвари в своих липких объятиях, уже исчез из ловушки. Он был аккуратно уложен на траву рядом с остальными — гном насчитал четверых, включая желтоволосого Аскольда.

Сильные руки держали его в висячем положении. Гном начал извиваться, норовя пнуть короткой толстой ногой в сапоге человека между глаз. Он уже увидел черные волосы победителя — стало быть, киммериец выиграл. Что ж, весьма сомнительная удача, подумал гном злорадно, но не стоит кричать об этом раньше времени. Варвар туп, неизвестно, что придет в его деревянную голову в следующий миг. Пока что Алвари осыпал его бранью и делал отчаянные попытки вырваться.

— Ну ладно, — добродушно усмехнулся Конан и бросил Алвари на землю. Гном рухнул на степной ковыль. От удара он закашлялся, потом тяжело вздохнул и перевел дыхание.

Пока гном отплевывался и приходил в себя, варвар уложил в ямуловушку все четыре трупа, кое-как присыпал их землей, обтер руки о штаны и уселся на землю рядом со своим пленником.

- Где пятый? осведомился гном таким тоном, точно он был рачительным хозяином и не досчитался в своем стаде одного ягненка.
 - А, отмахнулся Конан. Сбежал.
 - И ты отпустил его? возмутился гном. Болван ты, скажу я тебе. Глаза Конана сузились, в них мелькнул опасный огонек.
- Я не уверен, что тебе стоит знакомить меня с каждой глупостью, которая рождается под твоими рыжими патлами, негромко произнес варвар. И для большей наглядности он поднес к распухшему носу гнома свой огромный кулак.
- Зато я уверен, нагло отрезал гном. Этот пятый через пару дней нападет на твой след. И не один, а с хорошим подкреплением.

Поразмыслив, Конан решил, что гном не так глуп, как кажется с первого взгляда. К тому же, у киммерийца было более неотложное дело, нежели перебранка с несносной нечистью.

Поэтому вместо ответа варвар просто пожал плечами, снял куртку и принялся осматривать свои раны. Не считая многочисленных царапин, внимания заслуживали всего две: одна на груди, под правой ключицей, и вторая — на ладони левой руки. Конан сжал и разжал пальцы, корча при этом гримасы.

- Что? Наподдали тебе, а? Правильно, так тебе и надо. Другой раз не будешь совать нос не в свое дело, с удовольствием произнес Алвари.
- Если б я не сунул нос, тебя бы уже волокли на веревке за казацкой лошадью, огрызнулся Конан.
- А мне все равно, что казаки, что ты, сказал гном и вздохнул. Ты, может, еще хуже казаков. Слышал, как ты нахваливал своего бога. Ничего себе бог! У вас там, в Киммерии, все такие, как ты?
 - Все, мрачно сказал Конан.
- Ну и страна! Поневоле начнешь возносить хвалы пресветлому Митре, что не угораздило там родиться! Провести всю жизнь среди таких рож, как твоя, от этого самого бесстрашного гнома может бросить в дрожь!

Конан не ответил. В ядовитом замечании гнома касательно погони было зерно истины. Так просто казаки от золота не откажутся. Скорее всего, в ближайшее время за ним действительно вышлют погоню. Как только станет известно, что какой-то варвар из северной страны перехватил Аскольдова пленника, а самого Аскольда убил, казаки озвереют. Это было очевидно. Конан и сам бы озверел, окажись он на их месте.

Из задумчивости его вывел уже изрядно надоевший хриплый голос гнома:

- Эй ты, дылда! Покажи, где тебя продырявили.
- Что?
- Дай рану осмотрю, говорю.

Гном бесцеремонно толкнул Конана и ухватил своими короткими, поросшими рыжим волосом пальцами края раны на груди. Конан сжал зубы. Грязные пальцы больно тискали и жали рану, пачкаясь в крови. Привстав на цыпочки, гном пробубнил несколько слов, видимо, заклинания, а потом вдруг громко, раздраженно произнес:

- Да сядь ты толком, верста! Видишь же, что мне не дотянуться. Ростом вышел, а ума не набрался. Мне губами нужно коснуться.
- А чего меня губами касаться? хмуро спросил Конан. Я же не девка.

Однако сел, подчинившись маленькому существу, повелительно сверкавшему на него зелеными щелками глаз.

Склонившись над рукой, зажимающей края раны, гном залопотал на странном языке, все сильнее впиваясь пальцами в тело Конана. От боли у варвара зазвенело в ушах. Гном несколько раз дохнул и отпустил. Боль сразу прошла. На месте раны остался только розовый шрам. Конан потрогал шрам, покачал головой и вместо благодарности только и сказал своему пленнику:

- Ты голоден?
- Нетрудно догадаться, фыркнул гном. Конан сгреб валявшиеся на земле седельные сумки, которые он заботливо перенес в одно место, считая их содержимое честно завоеванным трофеем. Из одной он вынул кусок твердого сыра, черствую лепешку и немного вяленой рыбы. Гном тем временем по-хозяйски пошарил в другой и извлек оттуда кожаную флягу, к которой тут же приложился, жадно и громко глотая. Наконец он обтер рот и впился зубами в вяленую рыбу.

Конан глотал сыр, почти не прожевывая куски, как собака.

- Ну, деловито произнес гном, как только утолил первый голод. Что будешь делать теперь, дражайший варвар?
 - Пытать тебя, ответил Конан, зевая во весь рот. От сытости его

потянуло в сон. Он пошарил в кошеле, болтавшемся у него на поясе, достал огниво и вырвал из почвы засохший кустик чертополоха. — Раскаленный кинжал дает неплохие результаты, говорил мне офирский палач, когда мы пили с ним в одном кабаке в славном городе Ианта... Большой души был человек. Рассказывал заслушаешься...

- Эй, эй, произнес гном, вдруг не на шутку встревожившись. Тебе не кажется, что ты впадаешь в крайности?
- Да? протянул Конан и посмотрел прямо в зеленые глазащели. Ты так считаешь, достопочтенный Алвари? Но ведь мне хочется разузнать про золото гномов. Разве есть другой способ это сделать?
 - Есть, твердо сказал гном.
- Ну-ну, послушаем, Конан сунул огниво обратно в кошель и принялся играть с кинжалом, втыкая его в землю.
- Оставь оружие в покое, посоветовал гном. Нечего тупить его без всякой пользы.
 - Так как насчет другого способа? напомнил Конан.
 - А, ты об этом... Ну, способ простой. Не пытать меня.

Конан расхохотался.

- Да, из тебя советник хоть куда. Удивляюсь, почему ты до сих пор бродишь по степи, вместо того, чтобы нашептывать на ухо какому-нибудь владыке.
- Правда, Конан. Я приведу тебя к золоту гномов. Ты увидишь его, коснешься руками...
 - И заберу? уточнил Конан.
 - Это уж как у тебя получится, загадочно ответил Алвари.
- Ты со мной шутки не шути, посоветовал Конан и снова потянулся за кинжалом.
- Я не шучу. Клянусь тебе четырьмя сторонами света, Конан, я приведу тебя в страну туманов к покажу тебе золото гномов. А остальное уж зависит от тебя.
- Я сумею его забрать, уверенно сказал Конан. Мне бы только знать, где оно находится.
- Это можно, сказал Алвари. А теперь послушай моего совета, Конан: давай не будем рассиживаться. До гор Седых Обезьян еще очень далеко, а казаки скоро начнут наступать нам на пятки.

2. Тайна

Вечером того же дня, проделав долгий путь, Конан и его низкорослый товарищ расположились на ночлег в ложбинке у пересыхающего ручья. Четыре лошади (две под седлом и две запасные, поскольку им предстояло уходить от вполне вероятной погони) паслись, фыркая в надвигающемся сумраке. Костра разводить не стали, закусили остатками черствой лепешки, найденной в седельной сумке одного из убитых противников Конана.

Гном дожевал свой кусок, обтер зачем-то рот, заботливо стряхнул все крошки с густой огненно-рыжей бороды, после чего обратился к своему спутнику:

- Эй, верзила. Подсади-ка меня на плечи. Конан даже подавился и несколько секунд ошеломленно моргал, уставившись в нахальную физиономию гнома.
- Что вылупился? рассердился гном. Подсади меня на плечи. Чем дальше у нас будет обзор, тем лучше для дела. Казаки, если и погнались за нами, то сейчас непременно жгут костры. Любят они жареное мясо, я их повадки давно уж изучил. Наверняка сейчас лопают. Барана по такому случаю зарезали, а то и двух...

Конан не стал спорить. Несмотря на свой неприятный характер, гном уже доказал, что в практической сметке ему не откажешь. Поэтому варвар присел на корточки и помог маленькой нелюди взгромоздиться на свои широкие плечи. Алвари оказался на удивление тяжелым. Сжав бока Конана толстыми короткими ногами в кожаных сапогах, гном слегка приподнялся, вгляделся в горизонт, выискивая нет ли где сполоха костров. Но кругом царила непроглядная тьма.

- Вроде не видать... пробубнил гном. Странно. Поглядим, что завтра будет. Чует мое сердце, что они не оставили это дело просто так...
- Хватит разглагольствовать, слезай, оборвал его рассуждения Конан. Не век же тебе торчать на моей шее.

Гном поерзал, удобнее пристраивая крепкое седалище на шее варвара.

— Шея у тебя, друг мой, хоть куда, — заявил он и тут же очутился на земле. Потирая ушибленную ногу, гном со злостью глянул на варвара, и желтые узкие зрачки вдруг блеснули нехорошим пламенем. Но свирепый взгляд не относился к числу тех вещей, которыми можно было произвести на молодого киммерийца хоть какое-то впечатление.

Конан равнодушно уселся на землю, скрестив ноги в ременных сандалиях, и принялся ковырять в зубе грязным твердым ногтем.

- Скажи-ка, Алвари, вдруг произнес он, а что это ты делал в гирканских степях?
 - Тебе-то что за печаль... вздохнул гном.
- На всякий случай, пояснил Конан. Твой народец, насколько я могу судить, малочислен и обитает в горах...
- В непроходимых горах, где живут, кроме нас, одни лишь серые обезьяны... с достоинством уточнил гном. Все верно. Там мы и живем. Хоть и малочислен народ мой, но наделен могуществом, ибо сокрытое в недрах открыто нам.
 - Так зачем же тебя, дружище, понесло в степи?
- Дело у меня было в этой проклятой богами Гиркании, иначе я бы из моих гор и носа не высунул.
 - Какое дело?
- Для варвара ты слишком последователен и настойчив, Конан из Симмерии...
 - Киммерии, поправил Конан. Зато терпением я не отличаюсь.

И он невзначай коснулся кинжала, висевшего в ножнах на его поясе. Алвари ни секунды не сомневался в том, что варвар при необходимости пустит оружие в дело. Поэтому он плюнул и в сердцах сказал:

- Чтоб тебя Эрлик унес, зануда-варвар. Слушай. Я расскажу тебе о золоте гномов. Но сначала скажи мне: ты понимаешь что-нибудь в драгоценностях?
- Изрядно. Конан усмехнулся, Через мои руки прошло немало блестящих побрякушек.

Гном с сомнением посмотрел на крепкие, покрытые шрамами руки варвара, потом пожал плечами и выразительно вздохнул.

- Что ж, много людей берут в руки один и тот же камень. И чем дальше, тем грязнее пальцы. Сперва это руки рудознатца, потом ювелира, потом торговца, потом богача, а под конец вора...
- Каждый живет, как может, философски произнес Конан. Зачем мне тратить дни, сгибая спину над гончарным кругом или бороной, если боги наделили меня силой?
- На это можно возразить, однако я не стану этого делать, ибо бесполезно спорить, когда перед тобой женщина, дитя или варвар и ту, и другого, и третьего отличает незрелость ума, что, в свою очередь, делает бесполезным любой спор...

Он покосился на Конанов кулак и торопливо сменил направление

беседы:

- Если ты так искушен в драгоценных камнях, Конан, тогда скажи мне вот что: будут ли равны по цене один крупный бриллиант к два мелких, по весу ему равных?
 - Нет, тут же ответил Конан. Крупный будет дороже.
- Да, вижу ты действительно кое-что понимаешь. Тем лучше. Легче будет втолковать то, что я собираюсь тебе поведать. Итак, золото гномов само по себе огромное состояние. И оно неделимо. В этом его смысл. Если изъять оттуда, хота бы одну безделушку, ценность нашего сокровища сильно уменьшится. В нем заключена сила, ибо мы собрали все камни, соответствующие планетам, месяцам и стихиям нашего мира. Если умело пользоваться ими, можно оказывать определенное воздействие на звезды, а через это влиять и на происходящее на земле...

Конан зевнул. Магия в лучшем случае наводила на него скуку, в худшем приводила в ярость, поскольку он не понимал ее и испытывал перед ней суеверный ужас, которого стыдился.

- Словом, заключил гном, исчезновение даже одного камня сводит на нет смысл обладания сокровищем. Много лет назад людям удалось завладеть голубым камнем...
- Кому так повезло? поинтересовался Конан. Он знал многих знаменитых воров и ожидал услышать знакомое имя.

Но гном отрицательно покачал головой.

- Это был бродяга, дезертир из туранской армии. Он скитался в наших краях и набрел на сокровище случайно. Видимо, он взял только один камень потому, что хотел идти налегке... Не могу сказать, что ему повезло. Его убили, как только он спустился с гор. Камень исчез. Много лет мы тайно разыскивали его. И лишь недавно до нас дошли слухи о том, что он лежит на алтаре в храме Матери Дождя...
- Вот оно что, протянул Конан. Теперь понятно. Ты отправился искать его в храм, а гирканцы выследили тебя.
- Именно. Ты делаешь успехи в построении логических цепочек, юный мой друг из Варварландии... подтвердил гном покровительственно.

Конан растянулся на земле и шумно зевнул, с лязгом захлопнув челюсти. Минувший день был утомительным, а предстоящий не обещал отдыха, и потому нужно было как следует отдохнуть в темные часы.

— Я понял, — сказал он гному уже сонным голосом. — Ложись и спи. Завтра поговорим.

И тут же тихонько засопел, обняв, как девушку, свой длинный меч. Во

сне лицо Конана смягчилось, губы приоткрылись, рот стал по-детски пухлым. Пушистые ресницы легли на загорелую щеку. Лунный свет подчеркивал высокие скулы, тонул в черноте нечесаных волос, разметавшихся по земле.

— Дитя и варвар, — пробормотал гном еле слышно, разглядывая своего спящего спутника. — Ох, не солгала древняя мудрость... Как такому втолкуешь?.. Варвар и дитя. Не хватает только женщины.

Он улегся немного в стороне от варвара, свернулся калачиком, подсунул под щеку кулак и сон сморил его.

Конан не проснулся бы и от топота табуна диких лошадей. Вряд ли разбудила бы его и гроза; разве что дождь пролился бы на него холодным потоком. Но от звука тихих, почти бесшумных шагов он пробудился мгновенно и крепче сжал рукоять меча.

Кто-то подкрадывался к ним из темноты. Вот он замедлил шаг, обходя камень, вот склонился над седельными сумками, осторожно потрогал их... Теперь обходит спящего Алвари и приближается к Конану.

- Стой, негромко, но внятно произнес варвар. Незнакомец замер.
- Разведи руки в стороны и не двигайся, приказал Конан, один прыжком вскакивая на ноги и направляя острие меча в сторону незнакомца. Таинственная ночная тень подчинилась. Мечом Конан поднял подбородок незнакомца, и лунный свет упал на его лицо. Он увидел светлые, широко расставленные глаза, копну криво обрезанных, видимо, кинжалом, пшеничных волос, приподнятых надо лбом простым кожаным ремешком, темным от пота. Брови и ресницы незнакомца были светлыми и выделялись на загорелом лице.
- Что ты здесь делаешь, мальчишка? сердито спросил Конан, убирая меч, однако не теряя бдительности. Не по душе ему было это ночное появление.

Тихий грудной голос ответил:

- Я пришла с миром.
- Пришла? Конан подскочил. Только теперь он заметил, что перед ним женщина, так пристально следил варвар лишь за его руками не потянется ли

за оружием. На молодой женщине была простая и удобная в степи одежда широкие штаны, заправленные в сапожки, куртка без рукавов и плащ с капюшоном. За спиной у нее в колчане был короткий степной лук со стрелами.

- Как тебя зовут? спросил Конан, хмурясь.
- Сфандра. Я могу опустить руки?

— Опускай, — разрешил Конан.

Девушка тут же села на землю.

Угадывая, каким будет ее следующий вопрос, варвар молча придвинул к ней остатки своей скудной вечерней трапезы, и она немедленно принялась за еду, отрывая от лепешки зубами большие куски и жадно проглатывая их.

— Живот заболит, ешь помедленнее, — проворчал варвар и ткнул ее в бок своей кожаной флягой, на дне которой булькала вода.

Она взяла фляжку и опорожнила ее одним глотком.

- Спасибо, сказала она, наконец, и вернула Конану флягу.
- Сыта? осведомился варвар. Хотя утолить голод таким малым количеством пресного хлеба было невозможно, Сфандра кивнула.
 - Тогда счастливого пути, Сфандра.

Она заморгала своими белыми ресницами. Конан скривился. Он не выносил женских слез. Послушать краснобаев, так женщина дарит любовь и наслаждение, а на деле у Конана вечно получалось совсем иначе: сперва они хныкали, потом требовали любви, а когда он уступал их настойчивым домогательствам (по правде сказать, в подобных ситуациях Конан никогда долго не ломался), начинали кричать, что отдали ему самое дорогое, и требовали денег.

Но эта степная девушка не собиралась плакать. Она просто сказала:

— Позволь мне переночевать в твоем лагере. У меня нет огня, и я боюсь волков.

Алвари зашевелился, тяжело перевернулся на спину, уставив рыжую клочковатую бороду в звездное небо, и со стоном произнес:

— Если тебе приспичило молиться своему чудовищному богу, варвар, делай это потише. Туг кое-кто хочет спать.

Конан пропустил эту тираду мимо ушей и обратился к Сфандре:

— Ладно, оставайся. Но учти, девочка, я сплю очень чутко. Если ты замыслила предательство, лучше сразу откажись от этого. Я не стану смотреть, что ты женщина, срублю голову и подвешу к седлу за волосы, чтоб другим неповадно было.

Вместо ответа Сфандра широко улыбнулась, сняла плащ, бережно уложила на него лук и стрелы, после чего улеглась сама.

Конан посидел немного рядом, глядя, как она устраивается. Приподняв голову, Сфандра тихонько позвала:

- Иди ко мне. Вдвоем теплее. Ночи здесь холодные.
- Знаю, проворчал Конан, укладываясь рядом. Только чур не требуй от меня ничего. Мне нужно хорошенько выспаться.

Вместо ответа Сфандра фыркнула.

Проснувшись с первым лучом солнца, Алвари не поверил своим глазам: Конан сладко спал, обхватив своими ручищами какую-то растрепанную девицу. Соломенные волосы таинственной незнакомки щекотали варвару щеку, и он во сне ворочал головой и улыбался. Глядя, как привычно пристроилась девушка на груди варвара, гном едва не застонал: эти двое словно не один год прожили вместе. Потоптавшись над спящей парочкой, Алвари от души пнул Конана сапогом в бок.

— Вставай, ленивый варвар! Буди свою потаскушку и собирайся в дорогу. Мы не можем валяться тут целый день и ждать, пока Аскольдовы дружиннички нагрянут к нам в гости.

Он еще раз пнул Конана и, как выяснилось, сделал это совершенно напрасно: молниеносным движением руки Конан ухватил его за щиколотку и опрокинул. Алвари сильно ударился затылком и невольно вскрикнул. Тем временем Конан и девушка уже вскочили на ноги. Нависая над барахтающимся на земле гномом, Конан сердито сказал:

- Извинись перед благородной госпожой, коротышка.
- Нашел благородную госпожу... заверещал Алвари, багровый от злости. Благородные госпожи не появляются из степного мрака и не забираются под мышку к неотесанным бродягам вроде тебя...

Поскольку Сфандра сдержала слово и всю ночь мирно проспала, согревая Конана теплом своего тела и в свою очередь согреваясь возле него, варвар испытывал к ней доброе чувство. Гнусные намеки гнома вывели его из себя.

- А я говорю, что ты сейчас извинишься, подчеркнуто спокойным голосом повторил варвар. Гном сел и запустил обе руки в рыжие патлы.
- Великие боги Асгарда и Ванахейма, простонал он, будь проклят час, когда я повстречал людское племя... Его зеленые глаза устремились на Сфандру, которая едва сдерживала смех. Благородная госпожа, прошу простить мне сказанное по неведению и в горячности. Ты чиста, как горный хрусталь, и мои недостойные подозрения не могли запятнать его прозрачности...
- Хорошо, важно произнесла Сфандра. Я вижу, ты говоришь от души. Будем друзьями.

Гном заскрежетал зубами.

Конан между тем порылся в сумке, вынул оттуда немного вяленого мяса и разделил кусок на три равных части. Гном неодобрительно покосился на него.

— Зачем ее кормить? — спросил он прямо, тыча в сторону девушки

толстым пальцем. — Гнать ее надо.

- Перекусит и пойдет своей дорогой, отозвался Конан невозмутимо. Не годится быть негостеприимными, Алвари. Девочка не одевала нам ничего плохого.
- "Девочка"! фыркнул гном. Она лет на десять старше тебя, Конан. Сколько тебе лет?
- Сколько бы ни было, все мои, рассердился Конан. Не болтай, когда ешь.
 - Вот-вот. А тебе, благородная госпожа, сколько весен минуло?
 - Двадцать семь, ответила Сфандра.
- Я же говорю, лет на десять старше. А что до того, что она, видишь ли, не сдавала нам ничего плохого так еще успеет, если ее сразу не прогнать.
- Если ты не закроешь свой болтливый рот, я всуну в него кляп, свяжу тебя по рукам и ногам и дальше ты поедешь под брюхом лошади, как куль с поклажей, предупредил Конан.
- Ладно, замолкаю. Только помяни мое слово: наплачешься ты еще с этой девчонкой.
- Мне пора уходить, сказала Сфандра и встала. Спасибо тебе, Конан.
- Я дал бы тебе лошадь, но не могу, сказал варвар. Без запасных лошадей нам не уйти от казаков. Так что прости.
 - Вы уходите от казаков?
 - Да. У меня была с ними стычка. Думаю, они хотят отомстить.

Сфандра с уважением взглянула на него.

— Удачи тебе, в таком случае, — сказала она, забрасывая за плечи колчан с луком и стрелами.

Глядя ей вслед, Конан хмурился. А девушка легко шла по бескрайней степи, и видно было, что ей не впервой оставлять позади милю за милей и что своим длинным ногам она доверяет так же, как степному луку и тонкому кинжалу, висящему в ножнах у нее на груди.

- Она славная, сказал он, обращаясь, скорее, к себе, чем к своему спутнику.
- Славная, как же, ядовито передразнил гном. Устроит эта славная тебе засаду... Кто она

такая? Почему набрела на нас — случайно или не случайно, откуда нам-то знать? И вообще, что делает женщина одна в степи?

— Я слышал, что в Гиркании есть воительницы, которым сам Сэт не страшен, сказал Конан мечтательно. — Может, она из них.

— Амазонки-то? Запомни, мальчик, — назидательно произнес Алвари, задрав огненно-рыжую бороду и глядя прямо в лицо Конану своими пылающими зелеными глазами. — Каждая амазонка по сути своей такая же женщина, как любая из холеных и капризных офирских аристократок. И ни одной из них нельзя доверять. Женщины коварны, и для тебя же будет лучше узнать это от старика Алвари, прежде чем ты испытаешь их коварство на своей шкуре, малыш.

"Малыш" фыркнул. У него руки чесались надрать гному уши. Но молодой киммериец был справедлив и прекрасно понимал, что Алвари прав: только безумец мог так безоглядно довериться незнакомке. Благое решение спать вполглаза, принятое варваром накануне, так и осталось решением: он настолько устал, что уснул каменным сном возле пригревшейся под боком девушки.

- Ладно, хватит болтать, сердито сказал он гному. Если ты поел, то садись в седло. Гном пожал плечами и махнул рукой.
- Горбатого могила исправит, пробурчал он в бороду, а киммерийца, как я теперь догадываюсь, вообще ничто. Во всяком случае, могилы для тебя будет маловато.

Вместо ответа Конан широко улыбнулся и, прищурившись, взглянул на солнце.

- Куда мы теперь? спросил он у Алвари. На север?
- Как киммерийца самоцветом не мани, а он все на север смотрит. Сначала нужно отобрать у гирканцев Алазат Харра.
 - Это еще что такое? нахмурился Конан.
 - Разве я тебе не говорил? Каждый камень из

нашей сокровищницы носит свое имя. Тот, синий, который я ищу и который, по верным сведениям, находится сейчас в Хорбуле, на алтаре одного храма... Впрочем, увидишь сам, если по дороге тебя не подстрелят. Так вот, он носит имя Алазат Харра.

— А что это означает?

Алвари одобрительно посмотрел на Конана. Это был, кажется, первый его взгляд в сторону киммерийца, не омраченный злобой и раздражением.

— Любознательность в молодежи нужно поощрять — так говаривал мой дедушка, охаживая меня поленом по бокам, когда застукал за чтением любовных писем бабушки, — изрек Алвари. — Харра — изначальное имя камня, некогда тайное. А Алазатом звали того дезертира, который осмелился похитить его... Мы думаем, что судьба этого туранского наемника перешла на камень и потому прибавили его имя к древнему названию. Что-нибудь понял, эй, лентяй, хлебающий из колодцев

премудрости лишь наметенный ветрами столетий мусор?

- Чего? не понял Конан. По физиономии Алвари он догадался, что гном опять ехидничает, однако вникать не стал. Стало быть, Алазат Харра... И нам нужно еще дальше на восток.
- Ты уловил главное из моих речей, о варвар, отозвался гном и вскарабкался на свою лошадь. А большего от тебя и не требуется. Вперед!

3. Это только начало

Они ехали до полудня, пока ослепительное солнце в мутном от жара небе не раскалило воздух добела. Невнятно ругаясь, гном приподнялся в стременах и начал озираться по сторонам.

Конан подъехал поближе.

- Что-нибудь случилось, Алвари? спросил он. Я ничего не вижу. Почему ты остановился?
- "Что-нибудь случилось?" передразнил гном. Да нет, ничего. Хорошая погодка. Еще немного, и мы сваримся в этом воздухе заживо.

Он снял с пояса кожаную флягу, открыл крышку и жадно забулькал, вливая воду в свое ненасытное горло. Конан тронул его за руку.

- Не торопись, сказал он. Влага уйдет вместе с потом, и ты снова захочешь пить. А если мы до завтра не найдем колодца? Что ты будешь делать?
- Одолжу у тебя, сказал Алвари. Конан скорчил кислую рожу. Он не собирался жертвовать собой ради сварливого и алчного гнома.
- Я бы на твоем месте не рассчитывал на мою воду, проговорил варвар.
- Слыхал я, что киммерийцы скупы, буркнул гном, закрывая флягу. Но никак не думал, что они переплюнут в этом даже аграпурских купцов.
- Я не скуп, рявкнул Конан, Просто я привык сам отвечать за себя. И тебе советую поступать так же.
- Понял, понял, отозвался Алвари таким тоном, что у Конана стало кисло во рту. Ну и противная же маленькая тварь, подумал варвар.

Он вынул из седельной сумки пригоршню изюма и сунул в рот. Алвари посмотрел на него выразительно, однако синие глаза киммерийца были устремлены в сторону горизонта.

- Далеко ли еще до Хорбула, Алвари? спросил Конан, жуя.
- Откуда мне знать? огрызнулся гном. Я не гирканец.
- И то правда, беззлобно согласился варвар. А то я как-то позабыл об этом. Ты же у нас с Гор Серых Обезьян...

Он так удачно подчеркнул последнее слово, что гнома передернуло. Хоть Конан и созерцал неведомые дали, он заметил судорогу, пробежавшую по физиономии Алвари, что доставило ему немалое удовольствие.

- Видишь, вон впереди что-то белеет? сказал Алвари, наконец. Конан прищурился.
 - Вижу.
- Сдается мне, дружище, что это косточки белеют, проговорил Алвари.

Они подъехали поближе и спешились. Белое пятно, замеченное гномом на выгоревшей рыжей траве, было действительно грудой костей. Большие берцовые кости, клетка ребер, два черепа — один несомненно человеческий, другой, вытянутый, — верблюжий. Рядом чернело пятно кострища.

Алвари исподтишка наблюдал за своим спутником. А Конан наклонился, потрогал кости, потом пошевелил ногой ребра скелета побольше и улыбнулся.

- Замечательно, произнес он, видимо, глубоко удовлетворенный увиденным.
- Что тут замечательного? осведомился Алвари. Мертвый труп скончавшегося гирканца рядом с дохлой падалью умершего верблюда. Не вижу ничего отрадного в этой картине. Более того, в ней есть что-то меланхолическое.

Гигантская лапища варвара сгребла гнома за плечи. Алвари уткнулся Конану в бок и заверещал:

- Пусти, дубина!
- Эти покойники рядом с кострищем означают, друг мой Алвари, что мы с тобой идем по караванной тропе. Здесь дорога от Разадана и Секундерама на Хорбул. Понял?

Он выпустил гнома. Алвари пригладил волосы и бороду, торчавшую веником, и с достоинством отозвался:

- Чего ж тут не понять?
- А раз караванная тропа, значит, дружище, будут и колодцы!
- В таком случае, ты можешь поделиться со мной водичкой, уважаемый дикарь. Не жадничай, Конан. Если я умру от жажды, не видать тебе ни Алазата, ни золота гномов.

С этими словами он снова потянулся к фляжке своего спутника. Но Конан отстранил его.

— А если от жажды умру я, то тем более мне всего этого не видать. Убери руки. И слушай меня, Алвари: с тропы мы сейчас уйдем.

От неожиданности Алвари раскрыл рот.

- Почему? Мы что, самоубийцы?
- Нет, напротив. Ты еще не забыл, что за нами, скорее всего, гонятся?

Мне не хочется встретить в голой степи десятка два бандитов. Конечно, я не трус, тут глаза варвара сверкнули, — но осмотрительность, когда она путешествует рука об руку с храбростью, скорее достигает цели.

С этими словами он выплюнул косточки на землю и пошел к своей лошади.

За спиной послышалось шипение. Конан резко обернулся и схватился за рукоять своего меча. Выбравшись из-под земли до пояса, перед ним высился огромный демон. Он был красен. Фигура его дрожала и расплывалась в раскаленном воздухе, словно ее лизало пламя. Провалы глаз и распахнутая пасть зияли черными безднами, в которых чудился вечный мрак преисподней. Конан заметил кривые желтые клыки, торчащие из пасти.

Закряхтев, демон нагнулся и, напрягая мышцы могучих рук, уперся в землю. Он вытащил одну ногу, потом другую. Когда он встал во весь рост, Конан оказался ниже его почти вдвое. Нависая над варваром и совсем крошечным гномом, дух злобно зарокотал.

— Ой, что это? — тонким голоском пискнул Алвари. — Откуда ты взялся, урод?

Дух наклонился ниже, обдав обоих путников зловонным дыханием. Совсем близко Конан увидел его клыки и застрявшие между зубов остатки давнишней трапезы — гнилое мясо.

- Какой милый малышок, проговорил варвар. Дух снова пророкотал что-то.
- По-моему, он хочет поделиться с тобой какими-то новостями, заметил Алвари, прячась за спину Конана и хватаясь за его пояс.
 - Я уже понял, сказал Конан.

Гневно размахивая руками и разбрызгивая вокруг себя длинные оранжевые искры, дух взревел. Потом, видя что его не понимают, топнул ногой, и из земли брызнул целый фонтан искр.

— Осторожней, приятель! — сердито сказал Конан и вынул меч из ножен. — Ты так буянишь, что степь может загореться. Ты говоришь погиркански?

Дух заморгал. Чернота глаз немного затуманилась, там мелькнули огоньки. Потом он помотал головой, и пламя едва не полоснуло Конана по липу. Варвар отшатнулся.

— Тогда, вероятно, ты понимаешь вот этот язык? — спросил он, показывая меч. — Я не встречал еще никого, ни человека, ни демона, который не разговаривал бы на языке войны!

Меч, ослепительно вспыхнув на солнце, взлетел и свободно прошел

сквозь огненное тело демона. Старая сталь не встретила на своем пути никакого сопротивления. Демон затрясся от хохота. Потом снова стал серьезным и начал размахивать кулаками.

— Чего же ты хочешь от нас, огненное чудище? — рассердился Конан. — Убить тебя мечом не удается, в разговоры с тобой мне вступать некогда... Откуда ты взялся? Может быть, тебе пора домой, к папе и маме?

Алвари высунулся из-за спины Конана и, прикрывая глаза ладонями, взглянул на демона поближе сквозь раздвинутые пальцы.

— Ифрит, — определил он. — Самые тупые и гнусные из всех демонов. Несмотря на склонность к пожиранию падали и полное отсутствие интеллекта, очень ценят комфорт. Вызвать их нетрудно, прогнать удается не всегда.

Конан покосился на гнома.

- Ну, ну, рассказывай.
- Ифриты, как правило, невидимы. Сидят себе и бездельничают. Переваривают гнилую лошадь, например. Алвари покосился на кучу костей. Или мертвого гирканца с дохлым верблюдом, что весьма вероятно. И если какой-нибудь неосмотрительный варвар плюнет в невидимого ифрита косточками от изюма, то ифрит рассвирепеет.
- Косточками от изюма? переспросил Конан. Ты хочешь сказать, что это я его вызвал?
 - Не исключено.
- Кром! Но я ведь не знал, что здесь сидит какой-то безмозглый демон...
- Поди объясни ему это... вздохнул Алвари и покосился на ифрита. Тот топтался поблизости, скалил зубы, порыкивал, шевелил когтистыми пальцами и приседал готовился прыгнуть на нарушителей своего покоя.

Теперь демон достаточно материализовался, чтобы Конан мог разглядеть его как следует. Ифрит был похож на могучего мужчину. Во всяком случае, он обладал горой мышц, бугрящихся и выпирающих из-под огненной кожи, источающей жар. По части мужественности ифрит был бесподобно оснащен. Однако венчала все это героическое великолепие крошечная голова с пустыми глазницами. Она, казалось, состояла из сплошного распахнутого рта с желтыми клыками. Из глотки демона вырывалось приглушенное рычание.

- Почему он не нападает? спросил Конан.
- Материализуется, значительным тоном пояснил гном.

Конан не понял, но переспрашивать не стал. Ифрит взвыл. В ответ

варвар зарычал едва ли не громче, чем демон.

— Я буду плеваться там, где мне вздумается, ясно тебе? — крикнул он прямо в багровое, раскаленное лицо. — И ты мне не указ, пустынная нечисть!

Ифрит озадаченно моргнул. Воспользовавшись этим, Конан выхватил флягу и, сорвав крышку, плеснул водой прямо в черные глазницы. Послышалось оглушительное шипение, затем вой и скрежет. Демон закружился на месте, приседая и хватаясь руками за голову. Пронзительно визжа отвратительным голосом — как будто кто-то водил ножом по тарелке, только в десять раз громче — он засунул в глазницы свои

горящие пальцы с кривыми длинными когтями. Снова зашипело, точно воду вылили на пылающие угли. Приседая все ниже и вертясь, демон стал стремительно уходить в землю. Вскоре перед Конаном и гномом уже ввинчивалась в старое кострище вихревая воронка, в которой мелькали оранжевые искры. Так продолжалось еще несколько секунд. Затем все стихло и исчезло.

После визга и воплей демона тишина показалась обоим спутникам удивительно благостной. Мир был наполнен звенящим жаром и покоем.

- Ну вот, деловито сказал Алвари, отряхивая руки. Избавились от урода. Другой раз будь осторожней, когда станешь плеваться. Да и вообще, варвар, ступай с оглядкой. Не ломи напролом, как говаривал мой дед...
- А лошади-то сбежали, сказал Конан, оглянувшись. Проклятье! Чертов демон испугал их...
 - Главное, что мы живы, с важностью заметил гном.
- Это ненадолго, успокоил его Конан. Без лошадей мы с тобой от погони не уйдем, вот уж точно. А сколько еще до колодца кто его знает? Или от жажды, или от казацких сабель так или иначе, а помирать придется. Приготовься, Алвари, умудренный мудростью дедов.

Гном все еще разглядывал кострище.

— Да, хорошо, что ты не выпил воду, — сказал он. — Очень кстати она пригодилась.

Конан хотел было ответить ему, но передумал. У них действительно было очень мало времени.

4. В Хорбуле

Из железа ты сделан, что ли, варвар? — стонал Алвари, хватая Конана за руку. Конан неутомимо шел вперед.

— Если мы остановимся, мы погибнем, — сказал он гному. — Не будь малодушным, Алвари. Иди.

Ковыль сменился песком. Они шли уже целый день. Ночь принесет им прохладу, но даже холод не заменит воды. Уйти с тропы они не решились, но колодца так и не встретили. Может быть, уже близко город, размышлял Конан. Если это так, то у них еще есть шансы на спасение. А может, просто случайность. Купцам дорога известна, и они могут делать у предыдущего колодца запасы воды побольше.

Алвари выпустил руку варвара и сел на песок, мотая рыжей головой.

- Вставай, хрипло сказал Конан.
- Жжет... прошептал Алвари. Иди, Конан. Может быть, тебе повезет.

Конан подумал немного и схватил гнома за шиворот.

- Я бросил бы тебя подыхать здесь, ты, жадная, малодушная, болтливая тварь, прошипел он. Свидетели боги, меня не стала бы мучить совесть.
 - Так брось... шепнул Алвари. Я больше не могу... видеть тебя.
 - Алазат Харра, коротко объяснил Конан. Вставай.

Он рывком поставил гнома на ноги и потащил за собой. Загребая ногами песок, Алвари поплелся следом.

Он больше не хныкал. Порой Конану казалось, что он волочет за собой труп. Но труп дергался, и варвар понимал, что спутник его еще жив. Проклятый ифрит, надо же было израсходовать на такую погань свою последнюю воду! А колодца все нет и нет...

И когда перед ним выросли стены — словно внезапно выступили из песка, золотистого, с пятнами перегноя, точно запачканного, с клочками серой травы, он не поверил и решил, что это мираж.

Он остановился и выпустил Алвари. Гном мешком повалился на землю. Конан ногой перевернул его на спину и увидел мутные зеленые глаза, уставленные в небо. Солнце уже стояло далеко на западе. Через час спустится ночь и станет полегче.

- Алвари!
- Конан... сипло отозвался Алвари. Ты животное...

- А, жив и соображаешь, обрадовался варвар. Он нагнулся и, схватив бессильное тело своего спутника под мышки, рывком поставил его на ноги. Глянь, сказал он, взял в горсть рыжие жесткие волосы и повернул голову гнома в сторону ворот. Что ты видишь?
 - Э-э... предсмертный бред, вероятно.
 - Я спрашиваю, что ты видишь! рявкнул Конан и закашлялся.
- Во... рота... неуверенно ответил гном. Я вижу ворота Хорбула... Мы что, умерли, варвар?
 - Пока еще нет, если это действительно ворота Хорбула.
- Может быть, спросить? предложил Алвари. Мне кажется, это верный способ выяснить правду. Если это мираж, то спрашивать будет не у кого.
- Идем, коротко сказал Конан. И зашагал в сторону ворот. Алвари, спотыкаясь, бежал за ним.

А перед ними росли узкие высокие башни с синими, в цвет неба, куполами. В тени перед воротами прямо на земле сидели стражники, которые, как показалось Алвари, ничем не отличались от обыкновенных разбойников. Они лениво кидали кости и обтирали о штаны потные ладони.

Конан остановился рядом с ними и постоял немного, глядя на то, как костяшки вертятся в стаканчике. Наконец, один из стражников поднял глаза и с неудовольствием посмотрел на варвара снизу вверх.

- Чего надо? спросил он.
- Иду в город, ответил варвар.
- А... равнодушно отозвался стражник и отвернулся.

Алвари подошел поближе и притиснулся к боку Конана.

- Воды у них попроси, прошептал он, с трудом ворочая языком.
- Конан не обратил на него внимания.
- Жаркий сегодня был день, заметил он. Поглощенный игрой, стражник не ответил. Конан пожал плечами и пошел в ворота, пробираясь между грязных голых пяток. Гном засеменил следом.
 - Стой, лениво сказал стражник. А платить кто будет? Конан порылся в кошельке и вынул несколько серебряных монет.
- Какие славные белобрысенькие милашки, заметил он, подбрасывая их на ладони. Я так привык к ним за долгое путешествие. Шутка ли сказать они со мной от самой Ианты. Жаль расставаться, веришь ли?
- Охотно верю, согласился стражник, протягивая за монетами дочерна загорелую сухую руку. Привычка порой сильнее человека. А уж

к таким симпатичным кругляшкам привыкаешь быстрее всего.

- И даже не в привычке дело, продолжал Конан. Они и сами по себе такие симпатичные. Какие у них кругленькие бока...
- Так и хочется потискать, подхватил стражник... Ха-ха, да мы с тобой говорим на одном языке, приятель. Никого еще я так не понимал, как тебя.
- Но самое печальное утратить память об ушедшем. Ведь мне подарила их женщина...
 - Какая-нибудь старая карга, которую ты ублажал за деньги?
- О, не говори так о ней. Это была чудесная молодая женщина, офирская аристократка еще там, в Ианте... Правда, под конец она оказалась ведьмой, но поначалу это совершенно не мешало нашим отношениям. И когда я уходил, она обратила ко мне свое прекрасное лицо, залитое слезами, и сказала: "Ты не хочешь остаться, мой возлюбленный... Возьми хотя бы эти кругляшки и каждый раз, глядя на них, вспоминай о той, которая так тебя любила..."
- Очень трогательная история, сказал стражник, шмыгнув носом. Клянусь, я буду вспоминать о той, которая так тебя любила, варвар. Давай их сюда.

Конан сунул ему деньги и двинулся было вперед. Алвари жался к его боку.

- Эй, а коротышка? остановил их стражник. За него кто платить будет?
- Послушай, дружище, твоя забота о нуждах родного города просто не знает границ. Если бы у меня с собой был вьючный осел, ты и с него бы потребовал денег?
 - С осла вряд ли, а с его хозяина...
 - С его хозяина ты уже получил, отрезал Конан.
- Веселый ты бродяга, сказал стражник. Смотри только, не обожгись в Хорбуле. Два часа назад через эти ворота прошел отряд человек в пятнадцать. Бравые ребята и все на конях и при саблях. Говорили, что гонятся за одним бандюгой, который опережает их часов на пять. Варвар, говорили, синеглазый и черноволосый, не перепутаешь. Северянин, говорили, с жестким акцентом не пойми какой Варварландии. Наглый, говорили, не по летам.

Конан нахмурился и пошевелил мечом в ножнах. Стражник продолжал невозмутимым, ленивым тоном:

— Ой, чего они только про него не говорили! Ругали на чем свет стоит. Убил их главаря, говорили, перерезал их товарищей и украл их

пленника, очень ценного пленника... Грозили переломать ему все кости, не пропустив ни одной, когда отыщут...

- Ха, да ты тоже весельчак, как я погляжу, мрачно сказал Конан. От самой Ианты иду, а такой забавной глупости еще не слыхал.
- Ну так теперь услыхал, сказал стражник. Бывай здоров, любитель красивых женщин с кругленькими серебряными подружками.

Конан взял за шиворот шатающегося Алвари и вместе с ним вошел в город Хорбул.

Улица кишела народом. Сновали полуголые ребятишки в пестрых набедренных повязках. Трое или четверо неумытых мальчишек привязались к чужестранцам, сверкая белозубыми улыбками на смуглых физиономиях и норовя ухватить Алвари за огненную бороду. Гном вяло отбивался, пока Конан не рыкнул на них на своем языке. Испуганные, дети отстали.

Мимо прошла женщина, закутанная с головы до ног в черное покрывало. Понесла ведро из выделанной кожи...

— Госпожа, — хрипло сказал Конан, останавливая ее. — Дайте нам воды.

Женщина в ужасе шарахнулась от него и побежала, низко склонив голову и мелькая босыми ногами из-под черного подола.

Конан выругался, глядя ей вслед. Они снова побрели мимо глухих стен, обмазанных глиной, из которой торчала солома, мимо низких, тяжелых дверей, украшенных резьбой и сплошь усеянных толстыми медными шляпками гвоздей.

Вдруг Конан резко остановился.

— Лавка, — сказал он. — Сейчас попросим чая и остановимся на ночлег.

Навстречу им выскочил высокий горбоносый старик с черным, морщинистым лицом. Конан показал ему несколько серебряных монет, после чего с грозным старцем произошла чудесная метаморфоза: он расплылся в улыбке, показав два зуба, что у него еще оставались, и начал, кланяясь, отступать назад в лавку. Конан воспринял это как приглашение войти и двинулся на старца. Поскольку старик отступал медленно, а варвар в своем нетерпении шел довольно быстро, то вскоре киммериец уже теснил хозяина лавки могучей грудью, как бы вталкивая его в дверной проем.

Наконец, они очутились в полутемном помещении. Подождав, пока привыкнут глаза, Конан осмотрелся. Помещение было маленьким и тесным. В углу тихонько гудит круглая жестяная печка. На стенах, обмазанных глиной, висят связки синих стеклянных бус, маски с

соломенными волосами, кинжалы с костяными рукоятками. В углу лежит охапка вытертых, полуистлевших ковров, в которых, несомненно, кишат блохи.

— Слушай, — сказал Конан внушительно. — Я хорошо заплачу тебе, старик, если ты дашь нам чаю, лепешек и позволишь провести здесь ночь. Мы не грабители, в пустыне мы потеряли лошадей и сами не знаем, как добрались до города...

Старик перестал кланяться и внимательно уставился в лицо Конана черными блестящими глазами. Конан не мог определить, понимает ли хозяин лавки, что ему говорят. Наконец, старик кивнул и стукнул кулаком по стене.

Прибежал полуголый мальчик. Быстро заговорив с ним на глухом, гортанном языке, старик несколько раз ткнул пальцем в сторону своих гостей, а затем толкнул ребенка кулаком в грудь. Мальчик кивнул и ушел. Вскоре он появился опять с чайником и тремя очень грязными чашками. Под мышкой он зажал огромную и несомненно чудовищно черствую лепешку.

Старик цыкнул на него. Мальчик поставил свою ношу на пол, поцеловал морщинистую длань хозяина и снова убежал.

Неторопливым движением старик разлил по чашкам чай.

— День нынче был жаркий, — начал он, — как, впрочем, и вчера — боги послали непереносимую жару нынешним летом. Да и позавчера солнце палило немилосердно.

Глотая скверный чай, в котором плавали палки, Алвари медленно оживал. Он даже приподнялся и поковырял коротким пальцем связку раковин, болтавшуюся на стене. Хозяин сверкнул на него глазами, но Алвари этого не заметил.

- Да, сказал Конан. Нам тяжко пришлось из-за этой жары. От самого Секундерама шли без воды.
- Как же это вас угораздило? ахнул старик, позабыв разом о солидности. Ведь купцы поскупились, не оставили колодцев до Хорбула. Есть два пастушьих колодца, но надо знать, где они, пастухи там даже ведер не оставляют, свои носят. Да и в

стороне эти колодцы от дороги, их только местные жители и могут отыскать...

- Мы не знали об этом, Коротко сказал Конан и сам налил себе вторую чашку чая, не дожидаясь приглашения.
- И пешком шли, сокрушался старик. Да разве такое можно делать? Дыханье Сэта в нынешнем году особенно жарко. Давно уже не

распалялся так злой демон пустыни...

- Из-за демона все и вышло, вмешался Алвари. Старик заметно вздрогнул.
- Да нет же, успокоил его Конан. К Сэту мы не имеем никакого отношения, поверь, добрый человек.

Он оторвал кусок лепешки и засунул его Алвари в рот, чтобы тот случайно не вмешался в беседу еще раз и не перепугал старика окончательно.

- Чужестранцы, будет лучше, если вы скажете мне всю правду, сказал старик. Он был встревожен. Я торгую амулетами от дурного глаза и злого духа и немного понимаю в Искусстве. Я не пустил бы вас в свою лавку, если бы не видел, что вы оба умираете от жажды, голода и усталости. В тебе, человек с севера, нет коварства.
- Знаю, пробурчал Конан. В детстве меня называли Добрая Душа.

Старик улыбнулся краешком рта.

— Или ты изменился с тех пор, как перестал быть ребенком, или ты уклонился с тропинки правды, молодой воин.

Конан покраснел, надеясь, что в полутьме лавки это не будет слишком бросаться в глаза. Однако старик, кажется, заметил его смущение, потому что усмехнулся уже открыто.

- Рассказывайте, что произошло с вами в пустыне. Только учтите, лучше бы вам мне не лгать. К сожалению, я столько лет занимался простенькой магией, что научился видеть людей насквозь. Картина отнюдь не отрадная...
- Ладно, пробубнил Конан. Что там долго рассказывать. Я ел изюм. Плюнул косточкой. Попал в безмозглого ифрита. Я же не знал, что он сидит на земле в невидимом состоянии и отдыхает после сытного обеда!
- Не оправдывайся, сказал старик. Что сделано, то сделано. В следующий раз будешь плеваться осторожнее.
- И я то же говорил, вставил Алвари, но тут же снова был заткнут лепешкой.
- Я, конечно, вынул меч и пронзил его, сказал Конан. Но ему это было нипочем. Эх, если бы он был из плоти и крови, мы бы с ним потягались!..
- Не отвлекайся, сын мой. Я знаю, что тебе под силу прикончить дюжину казаков с Запорожки...
 - Интересно, почему это весь Хорбул уже в курсе моих дел? —

взорвался Конан. — Учти, старик, если ты вздумаешь нас продать и привести сюда эту запорожскую банду, ты будешь первым, кого я разрежу на куски. Или нет, первым будет твой внук...

- Это мой раб, так что можешь делать с ним, что хочешь. Я же прожил долгую жизнь и не очень дорожу ее остатком. Продолжай, варвар. Расскажи мне об ифрите.
- Чума на тебя, старик. Ладно, слушай. Демон начал огрызаться, облизываться и проявлять к нам нездоровый интерес... Он долго прицеливался, чтобы ловчее прыгнуть на нас и разорвать на части. Алвари уверяет, что ифрит состоит из пламени и что он не может сразу напасть на человека. Сначала ему нужно обрасти плотью. Ну вот, пока это чудище думало и обрастало плотью, я вылил всю свою воду ему в физиономию. Бедняге это очень не понравилось. Он шипел, верещал и чесал глаза. Потом исчез. Так мы избавились от демона.
- Да, и чуть не погибли от жажды, задумчиво проговорил старик. Я не знаю, велик ли след, оставленный демоном в ваших душах. И знать этого не хочу. Злые духи могут вселиться в человека и овладеть им, так что он начинает творить зло, не желая того и зачастую даже о том не ведая. Если вы хотите ночевать под моим кровом, то извольте принять снадобье от черных сил.
 - Если оно не ядовитое, сказал Конан.
 - Я уже разбух от воды, пожаловался гном.
 - Ну так что? повторил старик. Я сказал, а вы слышали.
- Тащи свое пойло, сказал Конан. Надеюсь, ты нас не отравишь. Старик достал небольшой сверток. Это был кусочек выделанной овечьей кожи, на которой лучшими чернилами тщательно написано заклинание от злого духа. Бережно развернув клочок, старик положил его на колено и снова стукнул кулаком в стену.

Примчался взъерошенный мальчик и уставился на хозяина большими сонными глазами. Получив новые распоряжения, он принес большую круглую чашу из тонкого белого фарфора. На ней были нарисованы скалы и сосны с причудливо изломанными ветвями, и две человеческих фигуры в странных одеждах с множеством развевающихся лент, бредущие к вершине. Из глиняного кувшина старик осторожно налил воды, так что чаша наполнилась примерно наполовину.

Мальчик пристроился рядом на дырявом ковре, обхватив руками тощие исцарапанные колени. Старик с торжественным видом погрузил амулет в воду и смыл надпись. Вода слегка почернела, стала того же цвета, что и седой обсидиан.

Негромким голосом старик произнес, протягивая чашу Конану:

— Пей до половины. Это поможет, если дух действительно вселился в тебя, и не повредит, если его в тебе нет.

Конан сделал чудовищный глоток и поморщился. Затем передал чашу Алвари. Старик с интересом следил за обоими.

- Странная вы парочка, заметил он наконец. А карлик, должно быть, и есть тот ценный пленник, из-за которого так бесятся казаки?
- Я не карлик, обиделся Алвари. Я гном. И, наверное, постарше тебя буду, а уж что касается Искусства, то здесь я и тебя за пояс заткну, и кого угодно из людей. Не знаете вы, люди, настоящего Искусства...
- Ну, не горячись, примирительно произнес старик, забирая у него чашу. Что до Искусства, то здесь ты прав. Я ведь только торговец амулетами. Но в храме Алат есть настоящие маги.

Конан насторожился. Храм, маги — видимо, камень нужно искать именно там. Да и гном что-то говорил о каком-то храме...

- Kто это Алат?
- Великое воплощение войны, судьбы и смерти, ответил старик, понизив голос и наклоняясь к Конану, словно собираясь клюнуть его в плечо. Жрецы Алат раскрашивают свои руки охрой, ибо это кровавое божество. Молиться бесполезно. Слышать-то слышит, но поступает только так, как сочтет нужным.
- Вот это правильно, сказал варвар. Что толку скулить и хныкать, надоедая божеству своими мелкими просьбами? Для чего дана человеку сила, если он не умеет ею пользоваться? А коли не умеет, так и жить ему незачем.
- Ты рассуждаешь как дитя, сказал старик. В тебе говорит твоя молодость, твое здоровье, твоя горячая кровь…

Конан хотел было обидеться, но не успел. Старик снова заговорил:

— Когда я был таким же мальчиком, как ты, юный герой, в Хорбуле не было Алат. Здесь поклонялись совсем другим богам. А потом откуда-то с Востока явились жрецы и принесли с собой свои святыни. Под водительством Алат наши владыки одержали несколько побед, сейчас уже полузабытых, но тогда блистательных и очень важных. После них вознесся наш Хорбул и были возведены прекрасные стены с синими башнями, которые ты видел сегодня перед закатом... Велика наша богиня...

Конан слушал, покусывая губу.

— Но разве женщина может быть божеством войны? — спросил он наконец.

Старик торжественно покачал головой.

- Женщина нет, не может. Но Алат не женщина.
- А кто она?
- Алат ребенок. Девочка.

5. У ворот храма

Конан проснулся очень рано, в тот волшебный час, когда ночь переходит в утро. Старик, пустивший их на ночлег, беззвучно спал прямо на земляном полу в задней комнате лавки, завернувшись в полосатый синебелый плащ. Конану было душно. Он осторожно поднялся с облезлых ковров, поискал глазами Алвари. Гном тихонько посапывал возле жестяной печки. Когда киммериец толкнул его в бок, он медленно раскрыл глаза, и они засветились в полумраке, как у кота.

- Что? придушенным шепотом спросил Алвари.
- Мы уходим.
- Прямо сейчас?
- Дружище, у нас очень мало времени. Весь Хорбул уже знает, что люди Аскольда разыскивают северянина с низкорослым пленником. Если мы хотим добраться до храма Алат и пошарить там, то самое время приступать.

Алвари поморгал, подергал себя за бороду, сел. Широко разевая рот, зевнул.

Оба не поняли, как и когда рядом с ними появился старик. Но он стоял возле них, улыбаясь одними глазами.

- Если вы решили уйти, то почему бы вам не изменить внешность, хотя бы немного? Я могу помочь.
- Больно ты добрый, с подозрением сказал Конан. Зачем проснулся? Спал бы себе да спал. Чем меньше ты будешь знать, тем лучше для тебя.
- Я сказал тебе уже, что остаток жизни для меня не так уж важен. И если я предлагаю помощь, то делаю это от чистого сердца.
 - Но тебе-то что до нас? Зачем ты помогаешь нам?
 - Ради денег и из любопытства, был краткий ответ.

Что-то подсказывало Конану, что старик говорит искренне. Кроме того, у варвара просто не оставалось выбора. Да и времени на препирательства особо не было. Поэтому он просто кивнул.

— Тащи свои тряпки.

Через несколько секунд перед ними уже стоял заспанный мальчик, стариков слуга. Хлопая длинными черными ресницами, он выслушивал наставления, кивая в такт хозяйским словам. Затем принес целый ворох одежды, из-за которой были видны только его босые ноги.

Конан завернулся в белый плащ, что никак не сделало его менее заметным. Он был выше ростом многих местных жителей и гораздо шире их в кости, а такие плечи, как у молодого киммерийца, обращали на себя внимание за несколько кварталов. Гнома удалось обрядить в черные одежды и завязать платком его лицо, оставив только глаза.

— Сойдешь за карлика, — одобрительно сказал Конан.

Зеленые зрачки, сверкавшие в щели черной ткани платка, злобно блеснули. Но Алвари, несмотря на свой склочный нрав, прекрасно понимал, что разгуливать по улицам Хорбула, выставляя напоказ свою огненно-рыжую бороду, было бы равносильно самоубийству. Впрочем, он был уверен, что их и без того нетрудно будет выследить.

— Прощай, отец, — сказал Конан старику. — Дал бы тебе еще денег, но не стану скрывать: осталось мало, а путь впереди нелегкий.

Он растрепал черные лохматые волосы мальчика, подмигнул ему и, пригнувшись, вышел из лавки. Алвари шмыгнул за ним.

Улица была пуста. Над остывшей за ночь пыльной дорогой низко висела звезда. Луна уже скрылась и многие звезды ушли, но эта, казалось, только что появилась, так молодо и ярко она горела.

На противоположной стороне улицы Конан приметил темную тень и насторожился. Кто-то спал, устроившись прямо на земле. Конан тихонько подошел поближе. Он был уверен в том, что ступает совершенно бесшумно, но спящий внезапно пробудился. Из полумрака глянули влажные глаза, блеснули серьги, сделанные в виде дисков. Женщина. Почему она ночует на голой земле? Кто она такая?

Конан незаметно нашупал под одеждой кинжал и присел рядом на корточки. Он слышал, как за его спиной недовольно топчется Алвари. Но незнакомка показалась ему подозрительной женщиной. Женщина вдруг улыбнулась, зазвенела серьгами-дисками и быстро проговорила хрипловатым голосом:

- Взошла Аль-Узза, скоро рассвет, киммериец.
- Проклятье! Конан схватил ее за плечо и сильно встряхнул. Эти встречи с незнакомыми людьми, которые его знали и которых он видел впервые, начали всерьез выводить его из себя. Кто послал тебя следить за мной, женщина?

Она засмеялась. Покрывало упало с головы, и Конан выпустил ее плечо.

- Сфандра! Ну и шутки у тебя! Я же мог тебя убить. Говори, зачем ты шла за мной?
 - Я вовсе не шла за тобой. Я шла по своим делам и очень удивилась,

увидев тебя здесь, в этот час.

На ней была все та же одежда молодого степного воина, только серьги и покрывало были женскими. Видно, она облачилась в них перед тем, как войти в город, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания.

- Ты знаешь, что люди Аскольда уже здесь и ищут меня?
- Да, слышала краем уха.
- Где?
- Они поставили палатки у восточных ворот. Я ходила туда, продавала виноград. Сфандра толкнула ногой пустую корзину. Они пили виноградное вино и бранились, как конокрады. Клялись превратить тебя в груду окровавленных костей и скормить грифам, а из гнома сделать евнуха и продать в гарем за бешеные деньги. Кстати, где он?
- Я здесь, сердито сказал Алвари, выступая вперед. Совершенно не обязательно пересказывать глупости, которых ты наслушалась, гуляя, где не следует, благородная госпожа.

Последние слова он произнес с особенным сарказмом.

- Хватит, оборвал его Конан и снова повернулся к девушке. Сфандра, детка, тебе лучше сказать мне правду. Куда ты шла?
 - В храм Алат.
 - Зачем? Какие дела у женщины-воина могут быть в храме Алат?
 - Ты сам ответил на этот вопрос, Конан. Я женщина-воин.
- Не лги. Он взял ее за подбородок и обратил к себе бледное лицо с широко расставленными глазами. Зачем ты говоришь мне неправду?
- Хорошо, вот тебе правда, если ты так этого хочешь. Воинский союз амазонок, к которому я принадлежу...
- А, что я говорил! обрадовался гном. Амазонка. Не женщина, а машина для убийства. Ох, наплачемся мы с ней...
 - Молчи, цыкнул на него Конан.
- Наш союз, как ни в чем не бывало продолжала Сфандра, издревле воюет с Хорбулом. На то есть свои причины, о которых я не стану говорить. Несколько наших сестер погибли в застенках храма Алат.

Эта богиня принимает кровавые жертвы. У ее статуи в храме ноги вымазаны кровью... Богиня эта пришла с Востока и, говорят, не так давно. Всего лишь поколение назад. Ее могущество — в синем камне, заключающем в себе силы некоторых планет...

- Еще одна охотница до чужого добра, сердито сказал Алвари. Люди ненасытны в своей алчности. Синий камень принадлежит нашему народу и должен быть возвращен в горы.
 - Кому принадлежит синий камень Алазат решать будем потом,

когда завладеем им, — предложил Конан. — А сейчас давайте действовать сообща. Насколько я понимаю, сейчас у нас троих — одна общая цель: проникнуть в храм и завладеть этим сокровищем. А там посмотрим, как поделим его.

— Я не позволю делить Алазат, — упрямо сказал гном. — Сокровище гномов неделимо. Оно должно быть цельным, иначе утрачивается всякий смысл обладания им.

Сфандра легким движением поднялась на ноги.

- Идемте к храму, сказала она. Я попробую войти в него, а вы двое оставайтесь снаружи. Будете наблюдать. Надеюсь, вернусь с хорошими новостями.
- Что ты собираешься делать? Ее решение не на шутку встревожило Конана. Не выдумывай, Сфандра. Нам нужно просто забраться через окно, обшарить храмовые сокровищницы и...
- Для того чтобы туда забраться, нужно хотя бы иметь представление о расположении зданий и размещении охраны, а возможно, и ловушек, ответила Сфандра. Нет, я пойду одна и совершенно открыто. Многие женщины приходят туда поклониться кровавой богине.

Она закуталась в свой плащ плотнее, оставив открытыми только глаза и верхний край диска серег. Глаза Сфандры потеплели, и Конан понял, что она улыбается. Рассердившись на самого себя за то, что уставился на нее так, словно несколько лет не видел женщины, варвар дернул Алвари за плечо.

— Не зевай, идем.

Храм появился перед ними внезапно — серое прямоугольное строение, украшенное лишь узорными прорезями окон. Он был похож на оборонительное сооружение, и на его плоской крыше можно было бы при необходимости разместить множество лучников, отметил Конан. Вероятно, часть охраны, если она имеется, помещена именно там.

Перед храмом улица расширилась, превратилась в небольшую площадь, на которой все трое тут же заметили колодец.

Три провалившихся ступеньки вели к закрытой двери храма. Тяжелая дверь из железного дерева была обита медными прутьями, горящими в лучах восходящего солнца, так что казалось, будто на ворота наложили пылающую сеть.

— Да, эту цитадель так просто штурмом не взять, — задумчиво проговорил Конан, окинув толстые серые стены взглядом знатока. — Пожалуй, ты права, женщина-воин из Гиркании: без небольшой разведки нам не обойтись.

- Сядьте у колодца, сказала Сфандра. Постарайтесь не слишком бросаться в глаза, но и таиться не стоит, это тоже может вызвать подозрение. Лучше всего будет, если вы как бы спрячетесь и в то же время останетесь на виду. К тому же, не думаю, что казаки направятся искать вас сюда.
- Да, с нашей стороны было чудовищной наглостью явиться к храму Алат, согласился Конан. Может быть, это нас и спасет.
- Будем надеяться, коротко ответила Сфандра. Никто из троих так и не понял, когда же перед закрытой дверью появился жрец, с головы до ног закутанный в красный шелк. Ткань сверкала и переливалась, хотя жрец стоял совершенно неподвижно, и ветра на площади не было.

Сфандра повернулась к своим спутникам и снова улыбнулась под своим покрывалом.

— Ждите, — сказала она.

Жрец внезапно заговорил, легко преодолевая звучным голосом разделявшее их расстояние:

— Вы пришли поклониться светлой Алат, чужестранцы?

Он говорил по-гиркански куда лучше, чем Конан, почти без акцента. Слегка побледнев, Конан шепнул девушке:

— Не ходи.

Но она уже сделала шаг вперед. Когда ее звали, Сфандра всегда шла, не задумываясь о том, таит ли приглашение в себе опасность. Так учила ее мать Антиопа, Старшая Воительница, воспитавшая несколько поколений сильных и гордых девушек. Антиопа, которая не шла никогда ни на один зов. Старшая.

В развевающемся покрывале, сверкая дисками серег и белизной выгоревших на солнце волос, она стремительно пересекла площадь и взлетела по обвалившимся ступенькам. Хотя Сфандру нельзя было назвать низкорослой девушкой, жрец был выше ее на две головы, и теперь, когда они стояли рядом, разница в росте бросалась в глаза и казалась зловещей. Сфандра выглядела рядом с этим мрачным, стройным служителем кровавой богини, одетым в алый шелк, беззащитной и маленькой — добровольная жертва, вольная степная птица, залетевшая в клетку. Неожиданно легко жрец раскрыл перед ней дверь, и Сфандра, не задумываясь, переступила порог, задев плечом короткий меч, повешенный у притолоки от злого духа.

— Что же нам теперь делать? — спросил Алвари, глядевший, как с грохотом, словно навеки отрезая девушку от мира, захлопывается за ней дверь.

- Ждать, коротко ответил Конан и сел у колодца, натянув покрывало на голову. Ждать, Алвари. Больше ничего.
 - А если ее там убьют? Гном был не на шутку встревожен.
 - Тогда я отомщу за нее.
 - Этого я и боялся. Ты полоумный самоубийца,

Конан-варвар. Если ее убьют, мы унесем отсюда ноги, и чем скорее, тем лучше.

- А Алазат Харра?
- Украдем. Ты, я полагаю, искушен в этом ремесле?
- Искушен, нехотя сказал Конан. Я был первым вором в Аренджуне.
- Я так почему-то и подумал. Он уселся рядом с Конаном и уткнулся головой в колени.

6. Жертвоприношение богине Алат

Темнота и прохлада — от такого блаженства Сфандра на мгновение даже забыла о той цели,

что привела ее в обитель богини смерти. Глаза к темноте привыкали медленно. Она не сразу разглядела людей, стоявших возле стен и смотревших на нее без интереса, без злобы и без сострадания. Они казались неживыми, и только блестящие глаза наблюдали за ней, посверкивая белками в полумраке. Люди эти, неподвижные, закутанные в шелк, который в темноте храма казался серым, плоть от плоти скудного, сурового храма, обиталища воинственной богини. Богини-девочки, жестокой и ласковой, своенравной, как балованное дитя, могущественной, как любая стихия. Война — пятая стихия, говорили в степях Гиркании, пятая после воды и земли, воздуха и огня. Права была мать Антиопа, подумала Сфандра. Война — это одна из основ мира, и нельзя не преклониться перед ней.

Постепенно Сфандра разглядела лица жрецов — бледные, с черными глазами и темными ртами; руки, до локтя выкрашенные охрой; волосы, стянутые в пучок на макушке. Она даже не поняла, мужчины это или женщины.

Но вот одна из этих фигур сделала шаг вперед, и еще до того, как она заговорила, по легкости и грации движений Сфандра поняла, что это — женщина.

- Назови свое имя, женщина из степей, негромко произнесла она.
- Сфандра так назвали меня при рождении, имя матери моей Эстред. Отца я не знаю.

Лицо жрицы осталось неподвижным. Сфандра не поняла, достаточно ли ей такого ответа. Помолчав, жрица задала второй вопрос:

- Пришла ли ты к Алат с просьбой, Сфандра, дочь Эстред?
- Нет, тут же ответила Сфандра. Я пришла лишь склониться перед той, чья воля закон жизни, чьи капризы столпы вселенной, чья милость оборачивается жестокостью, а жестокость милостью.
- Хорошо, сказала жрица. Есть ли еще причина для того, чтобы прийти в этот храм?

Под пристальным взглядом жрицы Сфандра смешалась. Ей показалось на мгновение, что эти черные неживые глаза видят все и скрыть от них правду невозможно. Но это длилось лишь мгновение. Овладев собой,

Сфандра смело ответила:

— Любопытство, быть может. Но превыше всего — почтение к светлой Алат, о жрица.

Великий Митра, зачем она солгала! Эта женщина в алом шелке не поверит ей. В храме Алат настоящие маги, они сумеют разглядеть такую неуклюжую ложь... Однако жрица спокойно произнесла:

— Идем.

Она повернулась и тихо направилась в стену храма. Не сводя глаз с прямой спины, закутанной в алый шелк, Сфандра двинулась следом. Перед жрицей стена расступилась. Четыре гигантских лепестка медного шиповника раздвинулись, освобождая дорогу. Сфандра ступила в проход.

Второй зал был меньше первого. Через отверстие в потолке падал четкий прямоугольник света, и в солнечных лучах, вырываясь из полумрака храма, стояла невысокая алебастровая статуя девочки в солдатском шлеме, из-под которого ей на плечи падали длинные волосы. Ноги девочки были обуты в сандалии. На ней была длинная туника с разрезами от подола до середины бедра. Маленькие руки держали круглый щит и короткий кривой меч. Лицо богини было скуластым, с узкими глазами и очень пухлыми губами. Камень сиял. Он сам точно излучал свет.

Суровые серые стены храма были исписаны странными знаками. Сфандра увидела повторяющиеся точки, вертикальные и горизонтальные черты, ломаные и прямоугольные скобки, прямые и косые кресты. Сфандра умела читать на нескольких языках — мать Антиопа учила девочек не только стрельбе из лука, но и грамоте — но язык этой надписи показался ей незнакомым, а начертание букв чужим и странным. Было в нем что-то жестокое и чужеродное, как и в самой этой восточной богине.

Надписи были рассечены высокими барельефами, изображающими трех юных женщин, похожих на Алат, — таких же раскосых, веселых и беспощадных.

По четырем углам зала стояли курильницы, вырезанные из полупрозрачных камней — светлого нефрита и седого обсидиана. По форме они повторяли храм: кубы с резными окнами, сочащимися дымом. В серебряных чашах тлели угли. Душный, сладковатый дым поднимался над курильницами, и вдыхая его, Сфандра смутно догадывалась, что дышит отравой.

Как и в первом зале, здесь были люди. И все они словно срослись с храмом. Они сидели вдоль стен, подтянув колени к подбородку и подвязав их платками.

Перед богиней Сфандра замерла. Она увидела, что в центре круглого

степного щита, которым прикрывалась юная Алат, густым темным светом горит крупный синий камень. У нее внезапно перехватило дыхание. Алазат Харра оказался крупнее и прекраснее, чем она себе представляла, слушая рассказы матери Антиопы. Он источал могущество и силу. Он был Власть. И эта жестокая, бездумная девочка-богиня, пришедшая с далекого Востока, стала здесь повелительницей именно потому, что Алазат поднялся и стал ее щитом.

Хмурясь, жрица наблюдала за чужестранкой. Сфандра внезапно ощутила на себе взгляды сотни потаенных глаз. Диковинные надписи на стенах что-то кричали на неизвестном языке, обращаясь к ней, но она не понимала их. Три богини, усмехаясь, смотрели на нее сквозь ядовитый дым курильниц, который заставлял глаза гореть и руки сцепляться. И сама Алат, казалось, вот-вот захохочет, видя смятение чужестранки.

- Этот камень... сказала Сфандра, пытаясь объяснить жрице причину своего замешательства.
- Богиня направила руку человека по имени Алазат, спокойно сказала жрица. И он принес ей этот дар, сделавший Алат великой. Ты знаешь об этом. Последняя фраза не была вопросом.
- Да, хрипло сказала Сфандра. Он прекрасен. Неожиданно в тишине храма прозвучала невидимая струна. Потом вторая. Откуда взялась здесь лютня, кто играл на ней, скрываясь в темноте, за дымом курильниц? Струны загремели резко, отрывисто, и жрица нараспев заговорила:
- Вот желтая струна Зират, слушай ее, Сфандра из степей. Быстро воспламеняется человек желтой струны и быстро сгорает.

Мелодия лютни изменилась и зазвучала в темноте храма на более низких нотах.

— И вот белая струна, Замэнат, Сфандра из степей. Слушай. Медлительны, неповоротливы люди белой струны, но невозможно заставить их свернуть с пути, отказаться от цели. Их тела устилают дорогу к великой цели.

Словно изогнувшись, мелодия лютни упала до самых низких нот.

— И черные струны слушай, Сфандра, дочь Эстред, струны неотвратимой смерти. Мрачны люди черной Мэнат, но открыта им мудрость жизни, и суть ее неотвратимость смерти, какой бы долгой и прекрасной ни была жизнь. Слушай ее, женщина с белыми волосами.

Сфандра молчала, все больше подчиняясь властному голосу жрицы и неодолимому ритму, заключенному в музыке. А мелодия вдруг взмыла и стала веселой и яростной. Сфандра встрепенулась, глаза ее широко раскрылись. Дым заволакивал стены, и только девочка Алат победоносно

светилась в широком солнечном луче, рассекающем полумрак.

Жрица резко хлопнула в ладони.

- Красная струна Алат! выкрикнула она. Струна горячей крови, стучавшей в висках, стекающей по мечу! Ты воин, юная женщина из степей!
- Да... шепотом отозвалась Сфандра, чувствуя, как слабеют ее руки.

Голова кружилась. Музыка становилась все громче. Гремели уже три или четыре лютни. Беззвучно раскрылись еще три окна в потолке, и лучилезвия упали на трех богинь. Задетое этими лучами одеяние жрицы, казавшееся в темноте пепельным, вдруг вспыхнуло нестерпимо алым светом. Отблески сверкающего шелка пронизывали дым курильниц, окрашивая и его в кровавый цвет. Черные глаза на бледном лице загорелись.

— Три богини судьбы смотрят на тебя, Сфандра, три богини — старшие сестры Алат, готовые повиноваться ее слову. Черная богиня Мэнат, неотвратимость смерти. И белая богиня, неумолимость течения времени, Замэнат. А третья, Зират, желтолицая, воля и каприз. В честь четырех сестер их отец, Безымянный Бог, создал лютню. Только он дал ей еще и пятую струну — душу...

Стало очень тихо, и в этой тяжелой, тревожной тишине Сфандра почти против своей воли спросила:

— Где душа?

Ей казалось, что она утратила тело и летит куда-то. Словно издалека донесся до нее пронзительный смех жрицы.

— Ты! — крикнула она. — Душа храма — человек, преклоняющий колена! Человек, которому нужно божество! Смиренный и униженный перед высшими сила

ми! А у них, — она резко выбросила вперед руку, указывая на изваяния, нет души. Они убили Безымянного Бога, своего отца, потому что он был слишком велик и слишком бескорыстен. И они записали на стенах свой погребальный плач по отцу, Сфандра, чтобы подобные тебе, придя сюда, рыдали над его гибелью вместо них...

Светлое детское лицо Алат сияло над синим камнем. Беспощадное детское лицо. И Сфандра уже знала, что никогда не сможет протянуть руку и взять синий камень, отобрать его у богини.

Высоким голосом, в котором звенела медь, жрица начала читать погребальный плач. Сфандра почти не разбирала слов, и только звук этого ледяного голоса завораживал ее.

Голос отзвенел, и сразу же стихли струны. Два окна закрылись, и теперь в лучах света стояли только веселая Алат и жрица в струящемся алом шелке, словно охваченная огнем. Губы ее стали совсем черными, глаза смотрели и не видели. Сфандра стиснула зубы так, что заныли скулы. В ушах гремела тишина — бешено стучала кровь, и уходило, уходило эхо грохочущих струн.

Глухой грудной голос произнес:

- Жертва. Алат ждет.
- Но у меня нет ничего, еле слышно ответила Сфандра.

Тот же голос отозвался:

— Отдай ей свои серьги.

Девушка повиновалась. Золотые диски исчезли в складках одеяния жрицы. Затем она сказала:

— Человек может дать богине свою кровь или свое слово.

Кто это говорит, в полусне подумала Сфандра. Губы жрицы были плотно сжаты. Но у девушки больше не было своей воли. Она протянула руки, подставляя под жертвенный нож свои вены. Из другого угла кто-то нараспев произносит:

— Прежде, чем отдать свою кровь, пусть отдаст свое слово.

И сразу ожили и зашумели те, кто сидел вдоль стен, повторяя глухими подземными голосами:

- Слово! Слово! Пусть отдаст слово!
- Слово! пронзительно вскрикнула жрица. Сфандра смотрела на нее, не отрываясь. Она подалась вперед, стиснула на поясе руки. Она не понимала. Дым пропитал ее легкие, затуманил глаза. Кровь шумит, как водопад. Светлое безжалостное лицо с раскосыми глазами оживает, пухлые губы вот-вот дрогнут в усмешке.
- Скажи слово, требовательно повторила жрица. Слово, любое, первое попавшееся.

Сфандра набрала в грудь отравленного воздуха и поняла, что никак не может решиться. Ее сотрясала дрожь.

— Говори, не думай! — Лицо жрицы пылало яростью. — Слово! Говори!

Теряя силы, Сфандра выкрикнула:

— **Алазат!**

Она видела только луч света и страстное лицо в этом луче: черные глаза, огромные, ввалившиеся, горящие; темный, скорбный рот. И если бы из луча ей крикнул медный голос: "умри!", она бы умерла. Не понадобилось бы резать вены и обмазывать кровью ноги и руки девочки из

алебастра. Сфандра просто опустилась бы на пол и перестала дышать...

7. Воспоминание

Минуло несколько часов. Алвари начал проявлять признаки беспокойства. Он расхаживал взад-вперед по площади и успел уже повздорить с двумя водоносами, которые простодушно потешались над его заносчивостью, не соответствующей столь малому росту. Конан кусал губы, но не вмешивался. Склочный карлик в конце концов не слишком-то привлекал к себе внимание. Уродцам положено иметь дурной нрав, это только работает на их образ.

- Должно быть, хозяин плохо кормит тебя, вот ты и не вырос, заметил под конец один из водоносов, чем окончательно вывел гнома из себя.
- Хозяин, смотри ты! взревел Алвари. Кто мой хозяин, этот верзила? Да будет тебе известно, у меня нет никакого хозяина, кроме несчастливой судьбы, забросившей меня в эту проклятую богами землю...

От хохота водонос чуть не выронил кожаное ведро.

— Ладно злиться, коротышка, — сказал он напоследок дружески и сунул Алвари горстку фиников. — Лучше подкрепись, да не раздувайся так, а то лопнешь.

Алвари плюнул, однако финики взял, после чего сел в пыль возле колодца и мрачно уставился в землю перед собой.

— Уже полдень, — сказал он. — Что ж нам, так и сидеть тут в ожидании, пока казаки проспятся и отыщут нас прямо возле храма?

Конан не ответил. И тут дверь бесшумно распахнулась и появился жрец с девушкой на руках. Она лежала, запрокинув голову, словно подставляя горло под жертвенный нож. Конан вскочил. Жрец стоял на ступеньках, не двигаясь и не произнося ни слова. Когда варвар подбежал к нему, он передал ему Сфандру и исчез за дверью.

Алвари подошел, с любопытством глянул на Сфандру. Шершавой короткопалой рукой коснулся жилки на шее.

- Живая, сказал он.
- Убери лапы, ты ее придушишь, сердито сказал Конан.
- Куда мы теперь с этим трупом? спросил бессердечный Алвари. Они обкурили ее какой-то отравой. Смотри, во что она превратилась. Не наболтала бы там лишнего, в храме. Язык у женщин без костей, а доверять им тайну все равно что рассказать ее целому свету.
 - В лавку, к старику, решил Конан. Думаю, он поставит ее на

ноги.

— Обуза, — пробубнил Алвари. — Эх, бросить бы ее здесь и позабыть...

Конан только яростно глянул на него и почти бегом отправился к знакомому дому с низкой дверью.

Но когда они подошли к лавке старика, им открылась страшная картина. Дверь, сорванная с петель, валялась в пыли. Рассыпанные бусы усеяли дорогу перед домом. В пыли остались кровавые пятна и обрывок кожи с волосами. Глиняные и фарфоровые черепки валялись повсюду, и в некоторых остались капельки крови. Судя по множеству следов, оставленных копытами лошадей, здесь побывал отряд человек в десять — пятнадцать.

— Казаки! — с ужасом и отвращением произнес Алвари.

С девушкой на руках Конан бросился в лавку и чуть не споткнулся о тело старика, распростертое на пороге. Он уложил Сфандру на тощие ковры, сваленные кучей возле печки, и наклонился над стариком, переворачивая его на спину. Старик был мертв, Конан понял это сразу, до того, как коснулся еще теплого тела. Казаки побывали здесь совсем недавно. Наверняка сейчас они уже возле храма Алат.

Ругаясь сквозь зубы, Конан прошел во вторую комнату лавчонки. Глинобитные стены были забрызганы кровью, в нескольких местах остались пятна, как будто кто-то хватался за них окровавленными руками. Под ногами хрустели черепки и разбитые раковины. Под коврами Конан нашел труп казака — дюжего широколицего детины. Тонкий нож попал ему прямо в сердце. Второй корчился у стены с распоротым животом, и Конан без всякой жалости добил его. Он был страшно зол на казаков из-за старика. Третий, с легкой раной, притаился за дверью и прыгнул на Конана, когда тот оказался рядом. Но шорох выдал его, и варвар успел отпрыгнуть. К тому же, его противник был ранен в правую руку, так что с ним долго возиться не пришлось. Конан обезоружил его коротким, точным ударом, после чего придавил к стене и поднес меч к его горлу.

- Кого вы здесь искали? спросил он.
- Тебя, хрипло выдавил казак.
- Сколько вас?
- Теперь тринадцать. Считая тебя?
- Да.
- Значит, двенадцать, поправил его варвар. Зачем вы убили старика?
 - Он не хотел ничего говорить. Ходо был пьян, ну и...

- Кто так отделал твоих приятелей, а? Неужели старик?
- Нет, мальчик. Настоящий чертенок.
- Где он?

Вместо ответа пленник указал бородой куда-то в угол. Конан присмотрелся и понял, что то, что он принял поначалу за груду тряпья, было телом мальчика. Он лежал, скорчившись, и все еще сжимал в смуглых пальцах окровавленный нож.

- Алвари! громко позвал Конан. Спустя несколько секунд гном показался в комнате и, щуря и без того узкие глаза, обвел ее взглядом.
- Ну и разгром, сказал он. Сколько добра погибло! Как ты полагаешь, Конан, не будет большим грехом взять себе какую-нибудь раковину на память? Думаю, старик не останется на меня в обиде.

Вместо ответа Конан кивком головы указал на мальчика.

— Посмотри, что с ним.

Алвари присел рядом на корточки, хозяйским жестом пошарил в тряпках, потом вынул руку и посмотрел на кровь.

- Боюсь, ему уже ничем не поможешь, сказал он расстроено. Я мог бы залечить эту рану, если бы он не умер от нее. Жаль, это произошло совсем недавно.
- Он умер как воин, торжественным тоном произнес Конан. Он приведет с собой к престолу Крома убитых врагов, и жестокий бог улыбнется ему.

С этими словами он перерезал горло третьему казаку. Захлебываясь кровью, тот мешком свалился к ногам варвара. Конан перешагнул через труп и подошел к Алвари. Гном, ошеломленный легкостью, с которой было совершено последнее убийство, шарахнулся в сторону. Не замечая этого, Конан поднял убитого мальчика на руки и вынес в "парадный зал" лавчонки, где на коврах спала и тяжело дышала во сне Сфандра. Он бережно уложил ношу посреди комнаты.

Алвари, семеня, выскочил к нему.

- Что ты собираешься делать, чудовище?
- Устроить погребальный костер, разумеется, ответил Конан, удивленный таким глупым вопросом. Эти люди погибли потому, что не выдали нас преследователям. Думаю, старик поступил так, ибо был человеком чести и не хотел нарушать законов гостеприимства, а слуга защищал своего хозяина. Оба достойные люди и я не собираюсь уклоняться от своего долга и отдам им все надлежащие почести.
- Погоди хоть до тех пор, пока эта девка очнется, сказал гном. Или ты хочешь спалить и ее вместе с трупами? Если да, то скажу тебе: это

первая умная мысль, которая пришла тебе в голову с тех пор, как ты освободил меня из Аскольдовых лап.

- Нет, задумчиво откликнулся Конан. Мы останемся здесь до ночи. Казаки не придут сюда. Они будут искать нас совсем в других местах.
- Если только кто-нибудь не видел, как мы сюда входили, заметил гном.
- Надеюсь, что этого не произошло. Мне нужно будет расспросить Сфандру, а к ночи я заберусь в храм и сделаю все, что нужно. Затем мы подожжем лавку и уйдем из города.
 - Ночью ворота закрыты, снова предупредил гном.
- Мы уйдем из города, зарычал варвар. Я не посмотрю на то, что какие-то там дурацкие ворота закрыты. Киммерийцы ходят по отвесным стенам, как мухи, да будет тебе известно, а перетащить на спине девушку и такого коротышку, как ты, для меня пара пустяков.

Гном зыркнул на него ядовито-зелеными глазами, однако говорить ничего не стал.

— Спорить с тобой все равно бесполезно, — сказал он с тяжелым вздохом. Принеси тогда уж и тело старика сюда, пока на него не слетелись вороны.

Прошло два часа прежде, чем Сфандра пошевелилась на облезлых коврах и громко застонала. Конан, производивший смотр оружию, своему и захваченному у поверженного врага, быстро отложил в сторону тонкий кинжал, вытащенный из груди одного из убитых казаков, и повернулся к ней.

— Сфандра.

Она открыла глаза, встретилась с ним взглядом.

- Это ты, Конан?
- Конечно.
- Где мы?
- В лавке, торговавшей амулетами, талисманами и всяким полумагическим зельем.
- Артемида Владычица! Кто это так ее разгромил? Конан побагровел от возмущения.
- Неужели ты думаешь, Сфандра, что Конан-киммериец воюет с лавочниками и маленькими колдунами? Если бы мы находились в логове огнедышащего дракона, ты могла бы еще позволить себе такие намеки...
- Тише, тише, что ты разошелся, встрял Алвари. Благородная госпожа ни на что не намекала. Она просто задала вопрос. И мне кажется, что вопрос вполне закономерный. Особенно если учесть, что благородная

госпожа лежит на одном ковре с двумя трупами, а в соседней комнате плавают в лужах крови еще трое убиенных.

Признав справедливость этого замечания, Конан опустил лохматую черноволосую голову и проворчал:

— Казаки здесь были. Те самые, что гонятся за мной. Мы с Алвари, как ты помнишь, ночевали в этой лавке. Видно, кто-то из добрых соседей донес о том бравым парням на лошадях и с саблями, после чего они вломились в лавку. Старик оказался кремнем: ничего им не сказал, вот они с ним и расправились...

Сфандра помолчала, а потом спокойно произнесла:

- Дожить до старости и погибнуть от удара холодной стали лучшая участь, какой может пожелать себе человек.
 - Я тоже так думаю, проворчал Конан.
- Еще немного, и вы оба придете к выводу, что облагодетельствовали старца, послужив причиной его гибели, вмешался Алвари.

Ни Конан, ни амазонка не обратили на это заявление ни малейшего внимания.

— Расскажи мне о храме Алат, Сфандра, — попросил Конан. — Ты видела камень?

Глаза Сфандры затянуло дымкой, когда Она вызвала в памяти все, что случилось с ней в храме. Словно какой-то барьер был положен воспоминаниям, и она с трудом пробивалась сквозь него, мысленно переживая вновь свое странное приключение.

- В первом помещении были люди, с усилием произнесла она. Много. Вероятно, жрецы. Они сидели вдоль стен.
 - У них было оружие? жадно спросил Конан.
- Нет. Они были похожи на духов преисподней. Конан поморщился. Он не любил бессмысленных сравнений. Куда больше интересовали его боевые качества врага.
- Духи преисподней? морща нос, переспросил он. Сколько у них ног, рук, голов? Есть ли клыки? Материальны ли они? Я в том смысле, можно ли их разрубить мечом?
- Ах нет, я не о том, покачала головой Сфандра. Мне они показались неживыми... Не вполне живыми. Может быть, это были пришельцы из царства мертвых. Или одурманенные наркотиками жрецы, или просто фанатики...
- Ладно, оставим пока твоих зомби, нетерпеливо перебил ее Конан. Рассказывай дальше.
 - Вперед вышла жрица... Она пошла прямо в стену, и стена

расступилась перед ней, открывая доступ во второе храмовое помещение.

- Механизм, сказал Конан. Как он выглядел?
- Да, теперь я вспоминаю... Четыре лепестка раздвинулись, пропуская нас, и снова сомкнулись за спиной.
- Каким образом это произошло? Она надавила на какую-нибудь кнопку? Или там бегали рабы и крутили ворот? Рычаг?
- Я не помню... На глазах Сфандры выступили слезы. Я действительно не помню, Конан. Не мучай меня.
- Кром! Женщина, так для чего же ты ходила в храм? Тебя могли там убить, и ты погибла бы без всякой пользы для дела! Ты и сейчас еде дышишь, тебя отравили там какой-то дурманящей дрянью, и теперь, если ты умрешь от этого яда, ты будешь умирать с сознанием того, что жертва твоя напрасна и ничего, кроме глупости, ты не совершила!
 - Прости меня... Я стараюсь. Я сейчас все вспомню.
 - Камень, вмешался Алвари. Ты видела Алазат Харра?
- Да. При этом слове перед ее мысленным взором мгновенно встал камень. Только его Сфандра и видела. Как в тумане, расплывалась и терялась статуя богини-девочки, маленькой воительницы в солдатском шлеме, которая насмешливо смотрела на нее раскосыми глазами. Пеленой были подернуты и стены храма с их диковинными письмами, и алый шелк, струящийся с плеч черноглазой жрицы. И только большой темно-синий камень сиял на круглом щите. Но камень светился не только изнутри. Луч света падал на него... Откуда? Она болезненно хмурила лоб, пытаясь вспомнить. Но видела один только камень.
- Как он там? допытывался Алвари. Они ничего с ним не сделали? Не вздумали, упаси Митра, огранить его или отшлифовать?
- Нет... Он Власть и Сила, сказала Сфандра. Он чудо, величайшее из всех, что я видела, а мне приходилось участвовать в грабительских набегах и я перевидала немало падишахских сокровищниц.
- Все это пустая болтовня, вмешался Конан. Я и сам кое-что видел, так что нечего попусту развлекаться хвастовством. Где находится камень?
- Он украшает середину щита статуи Алат во внутреннем помещении храма. Я помню, что он был ярко освещен. Да, медленно проговорила она, теперь припоминаю, на него падал луч света. Он падал... из потолочного окна! На крыше есть окно, и в какой-то миг оно раздвинулось...
- Кто открыл его? Ты слышала какой-нибудь скрежет? Какой-нибудь звук? допытывался Конан.

- Нет... Мне тогда казалось, что его открыли звуки лютни...
- Чушь, отрезал Конан. Окно открылось, потому что люди сдвинули какой-нибудь засов, вот и все. Итак, детка, ты узнала немного, но это все же лучше, чем ничего. Камень в щите статуи, а на потолке храма есть окно. Я правильно тебя понял?
- Да. Но... Было что-то еще... Она силилась вспомнить и не могла. Несколько секунд Конан пристально смотрел на нее, но потом, видя, как она мучается, махнул рукой.
- Все выяснится на месте, когда я буду уже там, в храме. Постарайся поспать и прийти в себя, девочка. Ночью тебе понадобятся силы. Как только я вернусь сюда с камнем, будем уходить. Жрецы наверняка обнаружат его отсутствие почти сразу же.
- Жрецы... повторила Сфандра. Они о чем-то спрашивали меня. Боги, я ничего не могу вспомнить!
 - Лучше поспи, сказал Конан.

8. Ночная битва

Ночью храм Алат показался ему куда больше, чем днем. Притаившись в тени колодца, Конан осматривал высокие глухие стены, прикидывая, где бы лучше забраться на крышу. Проклятье, если бы несчастная дурочка приметила, нет ли лестниц, ведущих на крышу, ему было бы легче ориентироваться. Ладно, решил про себя Конан, будем исходить из того, что лучники на крыше имеются. Сколько их может там быть? Не больше двоих, решил он. Этого вполне хватит, чтобы прикончить любого самоубийцу, которому вздумается забраться в храм. Он хищно усмехнулся. Ну конечно, ведь эти люди исходят из того, что в Гиркании нет киммерийцев. Придется показать им, насколько роковым было их заблуждение.

Пригибаясь, он перебежал через площадь и оказался под самой стеной. Сандалии и плащ он оставил в лавке и теперь был почти голым, если не считать набедренной повязки и ножен с мечом. В руке он держал длинную веревку с крюком — давнее и испытанное средство штурма неприступных стен, скрывающих сокровища. Конан раскрутил веревку и забросил крюк за край стены.

— Ну вот, если лучники там, то они заметили крюк и непременно обрубят веревку, дабы вор вдребезги разбился о мостовую, — пробормотал он еле слышно. Он натянул и подергал веревку. Наблюдателю, если таковой имелся на крыше, показалось бы, что кто-то карабкается наверх. Однако к крюку никто не подошел. Конан потер ладони и взялся за веревку. Выбора не оставалось — нужно лезть.

Спустя несколько минут он был уже наверху и осматривался. Никого. Безумцы, неужели они так доверяют могуществу своей богини, что даже не считают нужным охранять ее? Нет такого бога, который помешал бы Конану украсть то, на что он положил глаз!

С этой отрадной мыслью киммериец принялся осматривать плоскую серую крышу. При ярком лунном свете он увидел блестящие медные лепестки, закрывающие отверстие в полу. Видимо, это и было то потолочное окно, о котором говорила Сфандра. Возле первого, самого большого, он обнаружил еще три, поменьше. Проклятье, сколько же их здесь? Киммериец покусал губу, раздумывая. Вероятнее всего предположить, что самое большое окно предназначено для освещения самого главного храмового объекта. То есть центральной статуи храма или

центрального алтаря. Камень, скорее всего, именно там и находится. Если Сфандре не показали фальшивку, вдруг подумал он с тревогой.

Но времени на раздумья оставалось совсем мало. Поэтому Конан решил не мудрствовать лукаво. Камень — главная святыня храма, которая сделала Алат великой. Главная святыня — главный алтарь — самое большое окно. И нечего долго думать. С этой мыслью он начал шарить по крыше в поисках механизма, позволяющего раздвинуть эти четыре лепестка и открыть окно.

Искал он довольно долго. Гораздо дольше, чем считал возможным. Крыша была абсолютно пустой, голой — ни шероховатостей, ни выпуклостей, ни приметных камней с щелями, куда можно вставить пальцы. Ни одного украшения.

— Проклятье, да как же оно открывается! Не верю, что с помощью заклинаний, — пробормотал Конан, озираясь по сторонам. Раздосадованный, он топнул ногой.

И тут послышался легкий щелчок и медленно, бесшумно, плавным движением лепестки раздались в стороны. Конан поднял босую ногу, посмотрел на жесткую подошву, потом перевел взгляд на пол. Ничего. Гдето здесь, в плитах, спрятан потайной механизм. А может быть, его привела в действие вибрация? Сфандра говорила, что лепестки открылись при звуках музыки...

В конце концов, это было неважно. Конан заглянул в открывшееся отверстие и тихонько присвистнул. Пол находился на глубине в десять человеческих ростов. Веревки хватит едва ли до половины, а остальную часть пути придется проделать по стене. Конан прищурился. Барельефы, надписи, высеченные в камне, — все сойдет в качестве опоры для ловких пальцев рук и ног.

Он прикрепил крюк к краю, зацепив его за один из лепестков, и начал осторожно спускаться. Обвив веревку ногами, он повис в центре храма и огляделся по сторонам. Из темноты выступали три женские фигуры, изваянные с таким искусством, что поначалу Конан принял их за живых. Алебастровые тела женщин светились тихим таинственным светом. Они словно выступали из серого камня храмовых стен. Казалось, еще немного — и они шагнут вперед, поднимут свои мечи...

— Статуи, — пробормотал Конан и начал раскачивать веревку, чтобы ухватиться за стену. После недолгих усилий ему удалось превратиться в длинный маятник и он уже доставал рукой до стены. Наконец, прицелившись половчее, он схватился рукой за плечо одной из статуй и выпустил веревку. На ощупь камень показался ему странно теплым.

Наверное, нагрелся за жаркий день, подумал Конан и перестал забивать себе этим голову. Нужно было думать о том, чтобы спуститься вниз без особых потерь.

Он перебрался на согнутый локоть статуи. Потом, ловко цепляясь за складки ее одежды, спустился на колено, тоже чуть согнутое. Дальнейшее не составляло особого труда. Еще несколько минут — и он уже стоял в центре храма перед статуей Алат, освещенной лунным светом, который струился из широкого окна в потолке. Тень от веревки, болтавшейся под потолком, пересекала детское чужеземное лицо, точно шрам.

При взгляде на богиню Конану на миг стало не по себе. В тишине и безлюдии храма Алат показалась ему живой. Дитя, жестокое в своей невинности. И синий камень, горящий на ее щите. Проклятье, не может же он рассматривать ее вечность!

Статуя была совсем невысокой. Конан протянул руку и без труда вынул камень из щита Алат. На ощупь Алазат Харра был холодным. Он был страшно тяжел. И от него действительно исходила сила, Конан ощутил это, как только прикоснулся к камню. Но об этом он смажет подумать потом, после, когда будет уже в безопасности. А пока... Конан сунул камень в мешок, привязанный к поясу, и повернулся к стене, чтобы по барельефам и трещинам взобраться на крышу, вытянуть веревку и вернуться в лавку старика тем же путем, каким он пришел сюда.

Но не успел он сделать и двух шагов, как раздался тихий шорох. Конан резко обернулся и выхватил из ножен свой широкий меч.

В лунном свете он увидел, как осыпается алебастр со статуи богини. Теперь в ее круглом щите зияла дыра — там, где раньше был камень. Но алебастр сыпался и сыпался, точно песок, обнажая плечи, руки, голову... Конан не поверил своим глазам. Оболочка стекала с Алат и постепенно освобождала настоящее живое тело! Вот показались черные, коротко стриженые волосы, жесткие, точно перья. Блеснула медь шлема... Красная туника поднялась на груди, когда богиня сделала вдох. Припухшие веки поднялись, узкие черные глаза недобрым взором глянули на варвара. Губы шевельнулись...

Конан отступил на шаг и поднял меч.

— Кто ты? — хрипло спросил он. — Предупреждаю, лучше тебе не нападать на меня, кем бы ты ни была!

Девочка-богиня молча смотрела на него. Потом раскинула в стороны руки одну с продырявленным щитом, другую с коротким кривым мечом и, резке, гортанно вскрикнув, соскочила с пьедестала и бросилась на варвара.

Он отступил еще на шаг, обороняясь от ее бешеного натиска. Алат,

если она только действительно была богиней, оказалась нешуточным соперником. Его сбивало с толку, что приходилось сражаться с ребенком, да еще с девочкой, да еще такого малого роста. Но вскоре Конану стало не до благородства и он не забыл о своем смущения. Три каменных женщины недаром показались ему такими живыми, когда он разглядывал их в лунном свете. Много лет стояли они, замурованные в камень, но вот пришел человек и посмел коснуться синего камня. Он освободил их младшую, любимую сестру, и вызвал к жизни скрытые в ней силы, и она призвала их на помощь. Много лет стояли они неподвижно, готовые сделать шаг и выступить из стены — и вот настал их час. Они вышли из серого камня и, подняв мечи, атаковали варвара с четырех сторон.

Сестры смеялись, и Конан, с трудом сдерживая их атаки, скалил в ответ зубы. Ему приходилось сражаться и с выходцами из могил, и с колдунами, и с ожившими статуями, но всегда то были чудовища, отвратительные, чуждые его человеческому сознанию существа, которых нужно было уничтожить. Эти женщины, ожившие статуи восточных богинь, тоже были его врагами. Но они не были чудовищами. Он понимал их всей своей варварской душой и наслаждался боем, пусть даже неравным.

Окружив Конана, они теснили его к стене, где, как он краем глаза заметил, подергивались медные лепестки — похожие на те, что раскрылись в потолке. Сейчас они были похожи на пасть чудовища, которое в ожидании трапезы нетерпеливо лязгает зубами. Края их, вероятно, были очень острыми. Сестры гнали его прямо в эту пасть, и он понял их намерение. Вильнув в сторону, он прижался спиной к стене.

- Отдай камень и убирайся, варвар! крикнула старшая из сестер. У нее было черное лицо и одета она была в черную тунику. Ты храбро сражался, и пусть смерть придет к тебе в свой час.
- Отдай камень нашей сестре и уходи, сказала вторая, в белом. Она казалась бы юной невестой, если бы не меч в руке. Длинные белые волосы разметались по ее плечам, бледное лицо было печально.

Третья, желтолицая, маленькая, крепко сбитая, едва ли старше Алат, только скалила зубы в ответ на волчий оскал киммерийца. Она была почти обнажена. Золотистая туника, распоротая мечом варвара, сползла с покатого крепкого плеча, обнажая плоскую, почти неразвитую грудь. Коротконогая, широкобедрая, маленькая воительница упрямо теснила рослого варвара.

— Мы знали, что сегодня за камнем придут, — сказала Алат. Она, как и ее сестры, говорила на гирканском со странным акцентом, путая звуки

"р" и "л", и Конан с трудом понимал ее.

- Откуда? задыхаясь, спросил он. Откуда вы могли это знать?
- Э-ха! Да ты пустоголовый варвар! Была здесь утром женщина, Сфандра, дочь Эстред, женщина-воин из степей, приходила склониться предо мной, так она сказала.
 - Так она сказала, подтвердила белолицая.
- И солгала она, когда так сказала, продолжала Алат, опустив меч, но не выпуская Конана из виду. Он понимал, что стоит ему сделать неосторожное движение, и три сестры богини прикончат его, поэтому стоял тихо и внимательно слушал.
- Ложь излетела из уст ее, когда она так сказала, эхом откликнулась чернокожая и сдвинула густые брови. Большие черные глаза, затененные длинными ресницами, глядели на варвара сурово.
- Совсем не преклониться пришла она, проделав длинный путь через степь и пустыню, эта женщина-воин, Сфандра, дочь Эстред, продолжала Алат с детской важностью. Взглянуть на мой камень, на Алазат Харра, украденный много лет назад, вот зачем она приходила.
 - Откуда ты знаешь, Алат с Востока?
 - Ха! Эгей, варвар, ты наивен, как ребенок. Она сама сказала мне.
 - Разве ее пытали?
- Xa-a, еще одна глупость, которую я слышу от тебя, большой мужчина с маленьким умом. Разве обязательно пытать человека, чтобы заставить его сказать правду?
- Вы отравили ее, угрюмо произнес Конан. Она была еле живой, когда вернулась из храма.
- Вот теперь ты говоришь правильно. Отрава, яд, наркотик так вы называете этот запах, мы же зовем его асиз.
 - Название ничего не меняет. Вы применили подлый прием.
- Мои люди преданы мне, варвар, величаво, как королева, произнесла маленькая богиня и выпрямилась. Они охраняют меня. Одурманив женщину, они потребовали у нее слово.
 - Слово?
- Обряд жертвоприношения. У невинных берут кровь и обмазывают ею мои ноги в знак их покорности. У коварных берут слово. Асиз заставляет их назвать то, что у них на уме.
 - И какое же слово принесла к твоем кровавым ногам Сфандра? Откинув голову назад, Алат пронзительно расхохоталась.
- A ты не догадался, большой мужчина с маленьким умом? Алазат вот какое слово было у нее на сердце!

- Это не твой камень, Алат, сказал Конан осторожно. Ты сама признала, что его украли.
- Это сделал человек по имени Алазат, и люди убили его. А потом они принесли камень мне, и я стала великой, сказала Алат. Ты знаешь об этом.
 - Знаю. Но вряд ли это дает тебе право владеть чужой вещью.
 - Э-ха, варвар! Не говори, что отдашь его хозяину.
 - Отдам.
- Отдать малое, чтоб получить большее вот что у тебя на уме, чужой человек с севера, сказала желтолицая, усмехаясь. Ах, какой бы из него получился солдат для богини Алат! Как бы он служил тебе, сестра!
- Отдай мне камень и преклони колена, строго сказала Алат. Я одарю тебя своей милостью и ты станешь непобедим, человек с севера.
 - Я и без твоих милостей непобедим, дитя.
 - Это последнее твое слово?
- Да! яростно крикнул варвар и снова поднял меч. Я не отступлю перед женщинами, будь они даже богинями!

Желтолицая девушка засмеялась.

— На колени, дурак! Ты не знаешь, что такое богини! Ты смертей, а мы бессмертны. Ты один, а нас четверо.

Вместо ответа Конан плюнул.

Оглушительный вой пронесся по храму. Конан поначалу решил было, что это боевой клич желтолицей. Но через мгновение ошибка стала ему ясна. Четыре богини отпрянули от него в страхе. Между ними и варваром из каменных плит пола вырастала огромная фигура ифрита. Пламя лизало ее, вырывалось из пустых глазниц, из пасти. Смрадное дыхание демона наполнило зал.

— Старый приятель! — воскликнул Конан. — Откуда ты взялся, урод? Впрочем, ты все равно меня не помнишь!

Вертясь и вырастая все выше, демон ревел и тянулся скрюченными пальцами к четырем сестрам. Три из них отступили, и только Алат гордо вскинула голову в медном шлеме.

- Ты вызвал духа, варвар, сказала она. Но не думай, что это поможет тебе. Никогда Алат не отступала перед нечистым.
- Послушай, девочка, почему бы нам не объединиться? Клянусь, этот безмозглый парнишка из преисподней не вызывает у меня дружеских чувств.
- Ты враг, и я буду биться и с тобой, и с демоном, сказала маленькая богиня.

Краем глаза Конан заметил, что медные лепестки, закрывавшие проход в стене, раздвинуты, и начал продвигаться к ним. Демон, испуская оглушительные вопли, похожие на скрежет ржавых дверных петель, приготовился напасть. Он присел, вытянул шею, подобрался и прыгнул.

Конан опередил его, проскочив в медные ворота. Демон со всего размаха врезался в стену и прожег в ней дыру. Это лишило его на какое-то время равновесия, и он растянулся на полу в большом зале перед дверью, выходящей на площадь. За ним в пролом устремилась Алат. Подняв меч, маленькая богиня бесстрашно набросилась на ифрита.

— Стой! — крикнул Конан. — Осторожней; девочка! Меч не берет его...

Он не успел договорить. Короткий кривой клинок вошел в огненную плоть демона, не причинив ему ни малейшего вреда. Взревев, демон обернулся и набросился на Алат. Она закрылась щитом, забыв о зияющей в нем дыре, и пламя ворвалось в брешь и пронзило ее.

Вскрикнув гортанно и громко, она отлетела к стене, ударилась о камень и застыла. Конан увидел, как алебастр вновь покрывает смуглое детское тело, как превращаются в камень ее ноги в сандалиях, руки, сжимающие оружие, как каменеет округлое лицо с пухлыми губами. Несколько секунд на этом лице жили только узкие черные глаза, сверлившие Конана с нескрываемой ненавистью, а потом застыли и они. Алат вновь превратилась в камень.

Но сожалеть об этом у варвара уже не было времени. Из-за колонн на него набросились притаившиеся там казаки. Они оглушительно вопили, размахивая саблями.

Конан бросился в сторону, успев оказаться за спиной огненного демона. Разъяренное чудовище ревело, как несколько слонов, терзаемых болью. Расплескивая пламя, оно наносило удар за ударом почти вслепую от ярости. Казаки, как могли, уклонялись от могучих лап с грязными кривыми когтями. Паника охватила их, они бросились врассыпную, пытаясь найти укрытие за колоннами и в тени. Лепестки, открывшие было проем в центральный зал храма, снова захлопнулись, и перед ними, точно охраняя их, в угрожающей позе застыла сама богиня Алат. Синего камня в ее щите не было, и Ходо, предводитель казачьей банды, заметил это, несмотря на царившее вокруг смятение.

— Варвар опередил нас! — закричал он, пытаясь собрать своих людей и направить их в погоню. — Хватайте его!

Но за шумом и суетой никто не слышал его.

Ифрит схватил одного из казаков и сломал ему шею. Хрустнули

позвонки. Человек закачался в красной лапе, как тряпка. Демон встряхнул его несколько раз, точно куклу, потом сунул в распахнутую пасть и громко зачавкал, хрупая костями. Спустя некоторое время он с удовольствием обтер окровавленный рот и выплюнул обломки костей в спины убегающим казакам.

Конану, наконец, удалось открыть дверь. Он выскочил в узкую щель и сразу же захлопнул за собой тяжелую створку, сделанную из железного дерева. Медные прутья, наложенные на нее снаружи, тускло блестели в лунном свете. Из-за двери доносилось рычание и пронзительные крики ужаса. Демон заканчивал свою работу.

Конан злобно оскалился, подумав об убитом старике, о мальчике, который погиб, как воин, сражаясь с ножом в руке. Пусть этот Ходо на своей шкуре испытает, что такое беспомощность. Он, Конан, помогать ему не собирается.

Он еще раз ощупал мешочек, убедился, что камень при нем, и быстро и бесшумно побежал по улице.

9. Хозяин ифрита

В разгромленной лавке было тихо. Конан осторожно заглянул в дверь и отпрянул: из темноты на него взглянули два светящихся кошачьих глаза.

- A, это ты, варвар... прошептал хриплый голос, и Конан узнал Алвари.
 - Я, сердито сказал он. И незачем так таращиться.

Гном удовлетворенно хмыкнул. Но Конан уже входил в лавку.

- Где Сфандра?
- Я здесь, отозвалась она, и в темноте тихо зашуршало белое покрывало.
 - Оставь эти тряпки, сказал Конан. Пора уходить из города.

Он наклонился и стал шарить на полу в поисках огнива. Гном щелкнул пальцами, высек искру и зажег масляную лампу, сделанную в виде сатира, справляющего малую нужду. Комната осветилась неровным, мерцающим светом, и Конан увидел заострившиеся лица мертвецов на ковре, светлые волосы амазонки, схваченные на лбу ремешком, огненную бородищу гнома.

- Ты принес?.. спросил гном, и его голос внезапно сел от волнения.
- Вот именно, не без самодовольства подтвердил варвар. В доме остались лепешки?
- Я напекла, пока ты ходил, сказала Сфандра. Конан внимательно посмотрел на нее.
 - O! Так ты и это умеешь?
- Нас учили не только махать мечом. Мы не мужчины. Чтобы выжить, женщине мало уметь владеть оружием.

Конан покрутил головой, усмехаясь. Гном не дал ему вставить ни слова.

- Я проследил лично, чтобы она не насыпала туда яда, Конан. Можешь быть спокоен, заявил он.
 - Ты паршивая маленькая нечисть, беззлобно сказала Сфандра.
- Хватит, отрезал Конан и пошарил пальцами в мешочке, висящем у него на поясе. Лучше смотрите...

Большой синий камень лег на широкую мозолистую руку киммерийца, и синие отблески замерцали на трех склонившихся над ним лицах. Голубой свет плясал на высоких скулах Сфандры, голубыми искрами рассыпался в белых волосах. Синева горящих глаз киммерийца словно засветилась в

ответ на этот огонь, истекающий из кристалла.

- Вот он какой, Алазат Харра, прошептал Алвари.
- Ты разве никогда не видел его?
- Конечно, нет. Сокровищница гномов вообще закрыта от взоров. Немногие допускаются к созерцанию.

Он протянул руку, заросшую рыжим волосом, и хотел было наложить ее на камень, но Конан сомкнул пальцы.

— Не тяни лапы, — сказал он. — Камень останется у меня, покуда мы не окажемся в горах и ты не отведешь меня к сокровищу. Понял?

Алвари пробубнил нечто нечленораздельное. Конан не стал переспрашивать и счел за лучшее истолковать невнятные звуки, издаваемые гномом, как согласие.

Глаза Сфандры блеснули на миг и тут же погасли. Варвар не заметил этого. Он поднялся, взял в руки лампу.

- А теперь уходим, сказал он негромко. Он вылил масло возле двух неподвижных тел и бросил туда же горящий фитиль. С треском занялись старые ковры, поднялся едкий дым. Кашляя, Конан выскочил из лавки. Следом за ним вышли его спутники.
 - Где ты видела казацких лошадей, Сфандра? Возле восточных ворот?
 - Да, но я не понимаю...
- Поймешь. Веди нас туда и кратчайшим путем. Скоро соседи заметят пожар, а я не хотел бы, чтобы возле горящего дома они обнаружили нас.
- Разумное решение, сказал Алвари. Но мне тоже не очень хочется забираться в пасть тигра.
- Какого еще тигра? не оборачиваясь, спросил Конан, широко шагавший по пустынной улице.
- Я имею в виду казачий отряд, пояснил Алвари, задыхаясь. Ты можешь не бежать так быстро, варвар?
 - Казаков там нет, сказал Конан, игнорируя просьбу гнома.
- Как это нет? Сфандра остановилась. Где же они? Ты их видел?
- Видел. Боюсь, что теперь уже нигде. Вероятнее всего, отправились к праотцам.
- Не хочешь ли ты сказать, мальчик, что это ты перебил их, причем один и за такое короткое время? язвительно поинтересовался гном.
 - Не я, коротко сказал Конан.
- Кто же он, твой таинственный благодетель? Уж не сама ли богиня Алат?

- Наш с тобой старый приятель, огненный демон, сказал Конан. Мне снова удалось вызвать его и как раз в тот момент, когда он был мне очень нужен.
- Огненный демон? Вызвать? Да объясните же мне толком, что происходит! рассердилась Сфандра. Ты заклинатель демонов, Конанварвар? Или ты нашел волшебную лампу, в которой заточен дух?
- Ни то и ни другое. Просто у меня есть дурная привычка плевать в лицо врагу, когда тот предлагает мне позорно сложить оружие и сдаться. Я плюнул и...
- О, не продолжай! взмолился Алвари. Плюнул и появился огненный дух, потревоженный твоим смачным плевком! Хорошо еще, что дух такой большой, а не то он мог бы и утонуть в слюне.
- Тем хуже для духа, хмыкнул Конан. Думаю, сейчас он доедает последнего казака в храме Алат. Пока он гонял их, точно зайцев, по всему храму, я успел удрать.

Он остановился, откинул голову назад и громко захохотал, представив себе ифрита, взбешенного и голодного.

— По-моему, ты рано развеселился, Конан, — негромко сказала Сфандра. Обернись-ка.

Кован последовал ее совету и увидел в конце улицы странное свечение. Оно приближалось, росло, колыхалось, становилось все больше и больше.

- Батюшки! Накликали урода! возопил Алвари. Демон стремительно приближался. Сфандра отступила на шаг и инстинктивно прижалась к Конану.
 - Артемида Стогрудая! Какое чудовище!
- Не трогай меч, предупредил ее Конан. Добрая сталь его не берет, уже пробовали. Алат на этом и погорела.

Сфандра непонимающе взглянула на своего спутника, однако ничего переспрашивать не стала.

Демон подошел к троим путникам и растянул пасть, показывая окровавленные клыки. Брюхо демона изрядно раздулось и провисало, однако заметно было также, что могучий орган, недвусмысленно определяющий принадлежность монстра к мужскому полу, налился силой и угрожающе топорщился.

— Сыт, — сказал дух на своем чудовищном наречии, и Конан с удивлением понял, что этот язык больше не кажется ему незнакомым. — Хочу женщину.

Он жадно посмотрел на Сфандру. Взвизгнув, как самая обыкновенная

пастушка, девушка спряталась за широкую спину Конана.

Неожиданно для себя варвар заговорил на том же дьявольском наречии, скаля зубы не хуже самого демона:

— Женщина эта не для тебя, урод. Моя она. Ищи другую. Перед ней склонись и отступи.

Демон казался не менее удивленным, чем Конан, обнаружив, что они разговаривают на одном языке и понимают друг друга.

— Хозяин, — сказал он и облизнулся. Потом он осклабился, словно до него дошла какая-то простая вещь. — Узнал тебя. Ты — хозяин. Пил воду с заклинанием ифрита?

Конан, наконец, понял, в чем дело. Старик напоил их волшебной водой, содержащей в себе заклинание против злого духа. Старый торговец действительно немного смыслил в Искусстве, потому что чары сработали, пусть и несколько неожиданным образом: Конан постиг наречие демона и научился повелевать им. Он ощутил острую жалость к старику: как обидно, что тот умер и не узнал о результате, вызванном его заклинанием! Вместе они бы посмеялись, выпили бы скверного чаю, а мальчишка с растрепанными волосами и исцарапанными коленками сидел бы у ног старика и, раскрыв рот, слушал их разговор...

Качнув головой, Конан вернулся к разговору с демоном.

- Я пил воду ту, сказал он. Склонись перед благородной госпожой и отступи. Не нужен мне больше. Все убиты ли в храме том?
- Xo! радостно ухмыльнулся демон и погладил себя по животу. Сочные, вкусные мужчины. Много ели козлятины, много пили сладкого вина. Насытили. Добрая добыча. Спасибо, хозяин. Позвал на добрую добычу.

И он сделал попытку поцеловать руку Конана. Отдернув руку, варвар сердито сказал:

— Ну так убирайся. Позову, когда будет еще добрая добыча.

Сопя и вздыхая, демон начал уходить под землю.

Конан повернулся к нему спиной и двинулся дальше. Сфандра и Алвари, оба с раскрытыми от изумления ртами, побежали следом. За спиной варвара они, позабыв о своей давней вражде, переглядывались и пожимали плечами. Алвари покрутил пальцем у виска, намекая на умственную отсталость киммерийца. Сфандра пожала плечами.

Наконец, когда демон уже скрылся из виду, Конан остановился и обернулся к своим спутникам.

— Может быть, ты объяснишь, наконец, что все это значит? — налетел на него Алвари. — Ты заключил союз с нечистой силой?

- Что-о? Вот еще глупости! Конан даже поперхнулся. Разве ты не понял, что говорил ифрит?
- Конечно, нет! Откуда мне знать его варвар... кх-х! я хотел сказать, его дьявольское наречие! Меня удивляет только, что ты его понимал и даже вступал с ним в какие-то переговоры!
- Погоди... А ты разве не пил воду с заклинанием, которую налил нам старик?
- Я? Что я, с ума сошел хлебать всякое ядовитое пойло, какое мне суют разные сумасшедшие старики!
- Ясно, сказал Конан. В напитке действительно были чары. И ифрит признал во мне своего хозяина. Так что если в следующий раз он тебя слопает, не спросивши меня, винить можешь в этом только свою глупость. Надо было тоже пить, а не думать, что ты умнее всех.
 - Доверчивость до добра не доводит, наставительно сказал гном.
- А излишняя предусмотрительность может обернуться прямой глупостью, отрезал варвар. Когда предлагают помощь, нужно брать.
- Восточные ворота, перебила спорщиков Сфандра. Вот казацкие лошади. У той коновязи, что с резной головой Сэта. Но я не совсем понимаю, как ты хочешь выбраться из города. Ворота будут закрыты до утра.
- Наш скалолаз собирался покорять штурмом эти гладкие стены, ядовитым голосом пояснил Алвари. Он, помнится, говорил, что перетащить на себе через них одну девушку и одного мужчину из племени гномов для такой груды мышц, как он, не составит ни малейшего труда. Я думаю, что и три лошади не слишком обременят нашего богатыря.

Конан не отреагировал на эти слова, но мысленно поклялся отомстить злобному существу, как только подвернется возможность.

- Переночуем здесь, сказал он. Если ифрит и вправду сожрал всех казаков, как он уверяет, то опасаться нам нечего. Во всяком случае, до рассвета.
 - А жрецы Алат?
- У них будет достаточно забот с уборкой трупов. Да и кроме тоге, в храме произошло маленькое чудо-Богиня... А!

Он махнул рукой, повалился на солому возле лошадиной морды и мгновенно уснул.

10. Синий камень оживает

К северу от Хорбула начинаются бескрайние гирканские степи. Они простираются почти до самих гор. Одни называют этот хребет, синеющий вдали неясной громадой, Горами Серых Обезьян; те же, кто выстроил жилище у горных отрогов, — просто Горами, ибо этим простым людям, которые не бывали дальше соседнего поселка, во все времена казалось, будто этот хребет — единственные горы на свете и других нет. Немногие из местных жителей отваживались на вылазку в степи; что же касается Гор, то там не бывал никто. Всякое болтают про Горы, может, кое-что из слухов да сплетен — правда. Кто меньше нос везде сует, тот два века проживет — таково было всеобщее мнение.

Об этом-то и толковал со своей женой старый Ондро, содержатель убогой харчевни — последней перед Горами. Окна комнаты, где ужинали старики-хозяева (это была крошечная каморка, расположенная между помещением для гостей и кухней с большим очагом и почерневшей медной посудой на крюках), выходили на степь, и, медленно пережевывая кусок хлеба, Ондро то и дело поглядывал в окно — не принесет ли нелегкая, часом, в эти края чужого, которому понадобятся ужин и ночлег?

- Плохие времена настали, сказал он, наконец, со вздохом, откинулся к стене и поковырял в зубах ножом. Караваны все чаще проходят стороной, а странников, что бродят по свету за удачей, и вовсе как не бывало. И куда только они подевались?
- Смотри, перебила его жена, вдруг прильнув к окну. Трое. И, похоже: к нам едут.
- Где? Забыв о своей меланхолии, Ондро отпихнул жену в сторону и сам уставился в окно. Он увидел, что по степи и впрямь едут трое, явно направляясь в сторону харчевни. Пришурившись, трактирщик принялся разглядывать путников.
- Что ты уставился на них, как девка на суженого? недовольным тоном произнесла жена и поднялась, охая и держась за поясницу. Я и не глядя скажу: голодранцы они. Толку с них все равно не будет. Еще и за постой не заплатят, а то напьются и посуду перебьют. А там и до пожара недалеко, храни нас Митра! Лучше их вообще на порог не пускать...
- Таких, пожалуй, не пустишь, пробормотал Ондро, разглядывая широкоплечего верзилу с огромным мечом за спиной, светловолосого лучника, гибкого и стройного, в колчане которого, несомненно, было

полно стрел, и третьего... кто же третий? Вроде ребенок...

- А ты не пускай их и все, уперлась жена. Для голодранцев ковылек постелить под бок, ночной туман укрыться, утренняя роса напиться. Так у нас в деревне говорили.
- Поменьше бы у вас в деревне разговаривали, проворчал Ондро, глядь, и я бы горя меньше знал.
 - А как если они разбойники?
- Настоящий трактирщик и сам немного разбойник, провозгласил старик и подбоченился. Жена покосилась на него с ядовитой усмешкой.
- Это точно. Разбойник, еще какой. Пока настоящих бандюг не повстречает.

Тем временем трое путников были уже возле самой харчевни. Рослый парень слез с лошади и рукояткой кинжала постучал в синий оконный ставень.

— Иду! — тонким голосом крикнул Ондро и почти сразу же суетливо распахнул дверь. Пригнувшись перед низкой притолокой, бродяга вошел и огляделся в пустой комнате с длинными столами, закопченным потолком и грязным полом. Под ногами хрустели крошки, осколки костей — немые свидетельства минувших трапез. Усмехнувшись, пришелец уселся на лавку спиной к стене и вытянул под столом ноги,

Только теперь хозяин хорошенько рассмотрел его и поежился под взглядом холодных синих глаз, сверкавших на обветренном, загорелом лице. Незнакомец оказался моложе, чем выглядел на первый взгляд, но мысль о его юности не принесла старому Ондро никакого успокоения. Чем меньше лет, тем меньше ума, а что уж говорить о терпении!

Лучник между тем привязал лошадей под навесом, самовольно засыпал им овса из хозяйского запаса и тоже вошел в харчевню в сопровождении третьего ребенка-неребенка. То, что лучник оказался женщиной; высокой, стройной, сильной женщиной с дерзкими светлыми глазами, произвело на хозяина не слишком большое впечатление. Об амазонках он был наслышан. Обычно эти дамы не творили бесчинств, разве что какому-нибудь самоубийце вздумается покуситься на честь одной из них. Тут воинственные девы хватались за оружие и сметали все на своем пути.

Но Ондро тут же забыл и думать об амазонках, как только разглядел как следует третьего. Ой-ой. Вовсе не ребенок это был. Приземистый, с огненно-рыжей бородищей и узкими зелеными глазами на румяном лице... Старик почувствовал, что ноги у него подгибаются и по телу пробежали дрожь и холодок дурного предчувствия. Он от души надеялся, что люди

отошлют карлика спать куда-нибудь на конюшню, и ему, Ондро, не придется иметь с загадочным уродцем никакого дела. От одной только мысли провести с ним ночь под одной крышей старика бросало в холод.

Однако заговорил с ним именно карлик.

- Ну, что вылупился? рявкнул он низким, хриплым голосом, неприятным, как скрип ржавых петель, и старика опять пробрала дрожь. Ужин для трех благородных господ и три уютных комнаты переночевать.
- Одну комнату, подал голос рослый варвар, сидевший у стены. Я не хочу утром проснуться и обнаружить, что ты ночью сбежал, Алвари.
- А мне до смерти надоели ваши дурацкие морды! взвизгнул Алвари, и из его зеленых глаз точно искры посылались, так он засверкал ими. Мне осточертело ваше смердящее дыхание, вонь ваших потных тел, ядовитый запах человечины...
- Полегче, ты, угрожающе произнесла женщина. Ты тоже, знаешь ли, не благоуханный куст шиповника.
- Что ты понимаешь, глупая гусыня, огрызнулся гном. От человека несет хуже, чем от мокрой бродячей собаки...
- Благородные господа, нет смысла ссориться, примирительно заметил Ондро. Он очень боялся, что эта, судя по всему, не слишком дружная компания тут же учинит драку. Каждый пахнет, как может.
- И слушать ночи напролет, как эта девка ворочается, вздыхает и сопит, и все потому, что один недогадливый варвар не обращает на нее внимания, не унимался Алвари.

Покраснев до ушей, Сфандра прошипела:

— Молчи, коротышка!

Конан резко хлопнул ладонью по столу.

— Словом, ночевать будем в одной комнате. А сейчас, хозяин, принеси-ка нам поесть. И выпить.

Хозяин деликатно помялся и, наконец, сообщил, что нынче все ужас как воздорожало и жизнь стала такая тяжелая — не передать. Опять неприятно усмехнувшись, Конан положил на стол перед собой пригоршню серебра. Оборвав на полуслове печальные речи, старик поспешно схватил деньги и, семеня, побежал на кухню.

Жена его уже гремела кастрюлями, справедливо рассудив, что лучше уж остаться внакладе и накормить этак бродяг задаром (пусть подавятся и пусть их брюхо разорвет пресветлый и справедливейший Митра!), чем вызвать их гнев и быть изрубленными на куски.

Однако ужин прошел, несмотря ни на что, спокойно. Все трое молча

жевали жареное мясо (Конан вполголоса предположил, что старик ради такого случая срезал подметки со своих сапог, но остальные не поддержали беседы), грызли черствый хлеб, размачивая его в жиденьком красном вине, и, насколько мог подметить хозяин, даже взглядом не обменялись. Потом поднялись по скрипучей деревянной лестнице наверх, в приготовленную для них комнату, — все трое: впереди варвар с масляной лампой в руке, за ним гном и последней — женщина. Неверный свет тускло горящей лампы играл на рукояти меча, высовывающейся из-за широкого плеча Конана. Дверь захлопнулась, и больше с верхнего этажа не доносилось ни звука.

Комната была совсем маленькая, с узким щелевидным окошком под потолком. Мебели здесь не имелось вовсе, если не считать трех соломенных тюфяков, уложенных в горку возле стены, и медного подсвечника с огарком. Щелкнув пальцами, Алвари зажег свечку, и все трое внимательно осмотрелись. По направлению сквозняка Конан определил, что потайных ходов и скрытых дверей в каморке не имеется. Глядя на серьезный вид, с которым варвар производил осмотр, гном отпустил пару ухмылок, но Конан не обратил на это ни малейшего внимания. Он делал то, что считал нужным, а до мнения окружающих ему дела не было.

Наконец, Конан взялся за тюфяки. Один швырнул к окну, второй постелил у двери, третий пинками выгнал на середину комнаты.

- Сфандра, будешь спать у окошка, распорядился он. Если услышишь снаружи шум, стреляй не раздумывая. Наш низкорослый друг, я думаю, для такого окошка слишком плотно поужинал, но на всякий случай следи, чтобы ему не пришла в голову мысль прогуляться. Кто знает, вдруг он перепутает что-нибудь спросонок и решит выйти на двор через окне...
- Крыса! взвизгнула Сфандра и отскочила в сторону, едва не своротив свечку.

Едва глянув на щель между досками пола и стены, откуда высовывалась нахальная морда с усами, Конан метнул кинжал. Раздался удар, писк, потом все стихло.

- Ну так вот, невозмутимо продолжал варвар, Сфандра, ты будешь следить за окошком. Я лягу с мечом возле двери. Почетное место в центре для Алвари.
- Ты, похоже, уже решил, будто ты умнее всех, варвар, сердито сказал Алвари. А камень-то, между прочим, при себе держишь. За дураков нас считаешь. Мы все имеем права на него. И благородная госпожа тоже. Сколько, бедная, натерпелась и все ради того, чтобы какой-то бродяга-варвар заграбастал сокровище и никому его даже не показывал.

Конан спокойно пересек комнату и выдернул из досок свой кинжал. Вытирая кровь с клинка о штаны, он проговорил:

— Я бы посоветовал тебе молчать, Алвари. Иначе я засуну тебе в рег вместо кляпа дохлую крысу.

Алвари успей изучить Конана достаточно хорошо, чтобы понять: угроза варвара не была пустой. Киммерийский бандит вполне способен на такую выходку. Поэтому гном только пробормотал под нос проклятие и с хрустом растянулся на соломенном тюфяке. Ничего, подумал он мстительно, дайте мне только попасть в горы. Там я покажу этим верзилам, на что способен мужчина из великого племени гномов. Они еще поплачут, таскаясь по горам в поисках золота гномов. Дайте только ступить на родную землю, а там...

Укладываясь спать возле двери, Конан тоже думал о горах. Он невольно задавался вопросом, похожи ли эти старые, лесистые горы на суровые ледяные скалы его родной Киммерии — хоть немного? Конан заприметил на лице гнома злорадную ухмылку, когда тот смотрел на зеленые склоны в окно, и понимал, что она означает: Алвари собирается удрать от людей в горах, надеясь на то, что Конан и амазонка — чужие в этих краях — не сумеют поймать юркого гнома, которому ведома здесь каждая тропинка. Алвари просто не понимает, что такое киммерийцы, подумал Конан с высокомерной жалостью, хмыкнул в темноте и уснул сном праведника.

Он был бы далеко не так спокоен, если бы заметил, что последняя фраза гнома достигла цели. Сидя на своем тюфяке возле окна, Сфандра неподвижно смотрела на спящие лица своих спутников, и в ее светлых, широко расставленных глазах застыло странное выражение.

Громкий топот ног, гортанные резкие Выкрики, проклятия и богохульства, звон металла и треск ломающихся досок разбудили посреди ночи хозяев харчевни. Они вскочили с постели, подброшенные ужасом. Пугаясь в длинном ночном одеянии, Ондро помчался вверх Но Лестнице. Огонек лампы прыгал в его руке, масло в глиняной лампе, грубой поделке, изображающей утку, плескалось. Жена с криком пыталась остановить его. И вдруг оба замерли, раскрыв рты. Дверь каморки, где остановились на ночлег трое странных путешественников, была словно охвачена синим пламенем. Таинственный голубой свет струился из всех щелей, просачивался между дверью и косяком, заливал сказочным мерцанием темный коридор и перила лестницы.

— Боги!.. Что это? — прошептал Ондро.

Дверь содрогалась, словно об нее всем телом бился какой-то крупный

зверь.

Взвизгнув, жена трактирщика со всех ног бросилась вон из дома...

Конан проснулся как раз в тот момент, когда через него кто-то осторожно перешагивал, одновременно надавливая на ручку двери. Вскинув руку, варвар ухватился за щиколотку пытавшегося бежать и резким рывком опрокинул его. На Конана повалилось тело беглеца. Еще миг и варвар скрутил ему руки и только после этого понял, что держит железной хваткой не

Алвари, как он подумал поначалу, а Сфандру. От удивления он даже выпустил ее.

- Ты куда это собралась? спросил он. Ее глаза блеснули в полумраке. В окне за ее спиной небо уже окрасилось розоватым светом. Близилось утро, однако в комнате было еще темно. В темноте засветились две узких зеленых щенки Алвари проснулся и с нескрываемым злорадством принялся наблюдать за людьми.
- Наподдай ей, как следует, Конан! хрипло сказал гном. Разве ты не видишь, что она украла камень?

Конан поискал мешочек на поясе. Его не было. Ловкая бестия, подумал он о девушке с невольным уважением профессионала, и тут же мимолетная симпатия к той, что могла бы сравниться с ним в воровском ремесле, сменилась яростью. Эта змея хотела обмануть его, обокрасть, оставить с носом! Его Конана-киммерийца! Гибким прыжком он вскочил на ноги и с лязгом вытащил из ножен меч.

— Отдай камень, дрянь! — крикнул он. Сфандра увернулась и бросилась к стене. Варвар занес меч. Он был в таком гневе, что мог сейчас зарубить и женщину. В это мгновение для него не существовало ничего, кроме застилавшей глаза ярости — его предали! Предала та самая женщина, которой он уже начал доверять. От этой мысли у Конана сводило скулы.

Ловкая и гибкая, Сфандра легко уклонялась от его меча. Конан сперва разворотил доски переборки. Потом снес узкий подоконник. Из-под стены выскочила охваченная паникой крыса и, волоча длинный розоватый хвост, перебежала через всю комнату. Конан споткнулся об нее и чуть не упал.

— Проклятье!

Подскакивая на своем тюфяке, Алвари восторженно вопил:

— Бей ее! Покажи этой степной бродяжке, что бывает с теми, кто хочет лишить Конана из Киммерии его законной добычи!

В ответ Конан рычал и скалил зубы, точно волк.

Сфандра металась по всей комнате. Реакция у нее превосходная,

отметил про себя Алвари. Девчонка измотает его, это уж точно. До чего приятно видеть людей, сцепившихся, точно дикие псы возле зарезанной курицы. А когда они оба забудут о нем, Алвари, он улучит момент и сбежит.

Сфандра споткнулась о тюфяк и потеряла равновесие. Конан тут же воспользовался этим и нанес удар. Ярость его немного улеглась, и теперь он с холодной расчетливостью метил в ноги. С раной на колене или бедре она далеко не убежит. А ее руки могут еще пригодиться. В горах, как понимал варвар, их ждут всякие неожиданности, и лук со стрелами в умелых руках амазонки будут очень кстати.

Меч варвара вонзился в левую ногу Сфандры чуть выше колена. И снова острый глаз Алвари отметил виртуозное владение оружием: Конан сдержал силу удара и в последний миг успел ослабить натиск — иначе быть Сфандре одноногой калекой. Истекая кровью, девушка упала спиной на тюфяк и ударилась об пол затылком. Пальцы левой руки раскрылись, и из мешочка, срезанного с пояса Конана, выкатился синий камень.

Крошечная каморка озарилась призрачным синим светом.

Сияние становилось все ярче. Из кристалла словно изливались потоки голубого мерцающего тумана, который постепенно обволакивал всю комнату, застилая даже рассветное окошко под потолком. Сидящий на полу Алвари раскачивался из стороны в сторону, протянув к камню свои крепкие, поросшие рыжим волосом, короткопалые руки. Его глаза-щелки были полуприкрыты, сжав зубы, он монотонно тянул какую-то ноту. В голубом тумане начали мелькать искры. Сперва они вспыхивали в беспорядке и суете то там, то тут, но постепенно их движение стало более упорядоченным, и золотистый хоровод крошечных светящихся точек двинулся вокруг гнома — медленно-медленно. Опустив меч и полураскрыв рот, варвар смотрел на эту диковинную картину. В призрачном свете загорелое лицо Конана казалось неестественно бледным, серыми стали черные волосы, черными — синие глаза. Белой безжизненной тенью с голубоватыми волосами простерлась на полу амазонка. А рядом с ней холодно горел колдовской камень из сокровищницы гномов. Конан невольно обратил взор в его глубину.

...И он увидел лица, сплетенные в странный узор, переходящие одно в другое. Словно их лепил безумный ваятель и, не успев завершить одно, уже хватался за новое, точно торопясь запечатлеть в глине мелькнувшее в его воспаленном мозгу видение. Образы перетекали один в другой, и трудно было выхватить хотя бы одно лицо и вглядеться в него. Однако варвару то и дело чудилось среди них детское лицо раскосой воительницы Алат, а раз

или два ему подумалось, что выныривающий из синих глубин образ горбоносого, большеглазого человека с зигзагообразным шрамом на щеке — оставшийся в памяти камня дезертир-туранец, Алазат.

Но их было куда больше — людей, богов и демонов, запечатлевшихся в памяти сокровища. Искаженные гневом клыкастые морды неведомых чудовищ, бритоголовые жрецы, бородатые воры с алчными глазами и сладострастными губами, одна или две колдуньи, точно сжигаемые огнем властолюбия... и, наконец, Конан увидел себя...

Он отшатнулся от камня, сделал шаг назад и прижался спиной к стене. Магия никогда не вызывала у него желания познакомиться с ней поближе. Одно дело украсть драгоценную побрякушку, совсем другое — увидеть в ней свое отражение. Мороз пробежал по коже Конана.

Алвари встал. Хоровод искр вокруг него завертелся быстрее. Близость родных гор придавала ему сил. В степях он не решился бы вызвать скрытые силы, но здесь, где склоны таинственных гор глядели в окно, он был у себя дома. Могущество переполняло его.

Конан увидел, как тает, растворяется в густой туманной синеве сокровище камень Алазат Харра. Словно за десяток миль услышал он испуганное ржание коней. Дом задрожал под ударами высвободившейся силы. Алвари стоял, вытянувшись и запрокинув голову. Рыжие волосы горели, как будто пламя охватило их. С бешеной скоростью вертелась вокруг него золотая карусель, постепенно втягивая в свой вихрь синий туман.

Он удирает, понял внезапно Конан, еще мгновение — и будет поздно. Загадочное маленькое существо пустило в ход какие-то таинственные чары, растопив камень, превратив его в чистую энергию, и теперь вбирает эту энергию в себя. Если его не остановить — сейчас, немедленно — то будет поздно. Гном ускользнет и вместе с ним навсегда будет потерян ключ к сокровищнице его народа.

Подняв меч, Конан устремился прямо в центр синего сверкающего вихря.

Резкий толчок отбросил его назад. Он почувствовал впереди барьер. Взревев, Конан с силой опустил на него меч. Он вложил в этот отчаянный удар всю свою недюжинную мощь. Посыпались искры, раздался пронзительный нечеловеческий крик, от которого заложило уши, вспыхнул нестерпимо яркий свет... и все исчезло. Оглушенный, ошеломленный, Конан стоял посреди каморки, озаренной мягким светом зари, и разглядывал свой меч.

Дверь была сорвана с петель. Падая, она прихлопнула крысу, и из-под

досок расплывалась лужица темной крови. Ни гнома, ни синего камня в каморке не оказалось. Доски стен и пола были испещрены черными точками, как будто в них тыкали раскаленными шомполами; тюфяк, на котором спал Алвари, сгорел. Кован поворошил ногой черную, еще тлеющую солому, но и следов камня не обнаружил.

Послышался тихий стон. Конан резко обернулся — Сфандра. В этой суматохе он совсем забыл о ней. Сфандра хотела его предать — следовательно, переслала быть другом. Он ранил ее, лишил возможности навредить ему — стало быть, и беспокоиться о ней незачем. Если бы она не застонала, он еще долго не вспомнил бы о ней, так занимал его вопрос о том, куда подевался Алвари и где теперь искать вероломного гнома.

— Конан, — пробормотала девушка.

Он сел рядом на тюфяк, скрестив ноги. Сфандра пошевелилась, пытаясь устроиться поудобнее. Несколько секунд он молча наблюдал за ней, потом уложил ее, подсунул ей под голову скомканный плащ и склонился над ее раной. Кровь еще не остановилась. Конан перетянул ногу Сфандры ремнем повыше раны и поднялся. Тяжело дыша, амазонка следила за ним, и белки ее светлых глаз поблескивали в полумраке.

Конан перешагнул через упавшую дверь и почти тут же наткнулся на хозяина. Тот жался к стене и трясся всем телом. Конан бесцеремонно ухватил его за шиворот и потащил за собой вниз по лестнице. Оказавшись внизу, в зале для гостей, он, наконец, выпустил хозяина и толкнул его на скамью. Старый Ондро послушно сел, сложил руки на коленях и уставился на мрачного варвара — по всем повадкам, громилу. Права была жена, не надо было их в дом пускать, подумал он. Седая, жидкая бородка старика затряслась, и он заплакал. Раздраженный, варвар сильно топнул ногой.

- Перестань реветь! сказал он. Мне нужно полотно для перевязки, кувшин неразбавленного вина и десяток краюх хлеба.
- Что... что это было, благородный господин? выдавил хозяин с трудом.
- Я не господин, буркнул варвар. Мое имя Конан. И откуда мне знать, какие проклятые чары вызвал этот коротышка-гном... Я вообще терпеть не могу колдунов. Знал бы заранее, что так обернется, зарубил бы гаденыша еще в Хорбуле...

Старик из этого объяснения не понял ровным счетом ничего, кроме того, что от беспокойных постояльцев можно избавиться лишь одним способом: снабдив их всем необходимым. Он вскочил и суетливо побежал исполнять приказание варвара.

11. Горы серых обезьян

Лошади осторожно пробирались по узким горным тропам. Склоны гор, поросшие лесом, не

были такими крутыми и отвесными, как скалы родной для Конана холодной Киммерии. Копыта мягко ступали по почерневшей листве, сквозь густой покров которой пробивались ярко-зеленые молодые ростки. Вокруг, насколько видел глаз, безмолвно чернели стволы старых деревьев. Ветер раскачивал в вышине их кроны, и листья шумели порой так сильно, что в этом звуке чудился человеческий крик.

Конан остановил коня и обернулся к своей спутнице, ехавшей позади него.

— Передохнем?

Сфандра покачала головой.

— Я не устала.

Однако глядя на ее бледное, всунувшееся лицо, этого никак не скажешь, подумал Конан. Несмотря на раненую ногу, девушка держалась хорошо. После недолгого колебания Конан решил не оставлять ее в таверне, а взять с собой. Хозяева таверны заметно приободрились, когда варвар, возмещая убытки, отдал им третью лошадь, снабдили их припасами на дорогу и простились с варваром и его спутницей, затаив горячую надежд никогда не встречаться с ними вновь.

- Ты думаешь, мы отыщем здесь следы Алвари? с сомнением спросила девушка, окидывая взглядом плотный ковер опавших листьев.
- Вряд ли, отозвался Конан. Я полагаю, рыжеволосый приятель покинул наше общество с помощью магии. А это значит, что он мог вообще не оставить никаких следов. Глаза варвара сумрачно блеснули. Уж ято знаю такие штуки.

Сфандра машинально тронула раненую ногу.

- Почему ты не зарубил меня, Конан? Ведь я хотела обмануть тебя.
- Сначала я и собирался сделать из тебя трех амазонок, а то и четырех, угрюмо сказал Конан. Но потом передумал.

Девушка уже хотела было дотронуться до его плеча и нежно улыбнулась, но улыбка мгновенно исчезла с ее лица, когда варвар пояснил:

- Решил, что ты еще пригодишься. Мало ли что. Лук и стрелы не помешают. Потому и бил по ногам, чтобы не убежала.
 - По крайней мере, искренний ответ, пробормотала Сфандра

разочарованно.

Конан удивленно посмотрел на нее, потом отвернулся и пожал плечами.

- Зачем лгать, если от этого не будет пользы? сказал он. Ответь мне лучше на такой вопрос, Сфандра: зачем тебе понадобился Алазат?
 - Мать моего народа послала меня.
- Значит, и воительницы грезят о могуществе? Конан пристально посмотрел ей в глаза.
- Я думала о своем народе, отрезала Сфандра. А для чего он такому одинокому волку, как ты?

Конан пожал плечами. Сперва он хотел было рассказать ей о своих грезах: завоевать весь мир, насладиться роскошью — но вдруг подумалось ему, что девушка будет насмехаться. Слишком уж неопределенными, расплывчатыми были его мечты. По правде сказать, он больше увлекался погоней за сокровищем, нежели применением последнего. К тому же, у него пока что не было опыта в этой части — еще ни один клад не дался ему в руки.

— Сперва нужно добраться до сокровищницы гномов, — сказал варвар. — А там мы с тобой, я думаю, сумеем договориться.

Ночь они провели на мягком ложе из листьев. В лесу было прохладно, и под утро между черных стволов повисли белые клочья тумана. Путники ехали молча призрачные тени в молочной пелене.

Сфандра ежилась и то и дело передергивала плечами. Ее не оставляло неприятное ощущение — будто за ней наблюдают сотни невидимых глаз. Что-то мелькнуло слева от путников и тут же скрылось в густой мгле. Сфандра невольно вскрикнула.

Конан тут же остановил коня.

- Что случилось?
- Там. Она протянула руку, указывая направление. Возле тех кустов.

Конан прищурился, вытянул шею, однако ничего не увидел. Что бы там ни мелькало, туман уже поглотил это и надежно спрятал под своим толстым покрывалом.

- Поехали, сказал варвар. Если там что и было, то уже прошло. Сфандра все еще колебалась.
- А если оно нападет сзади?
- Кром! Женщина, для чего боги наделили тебя слухом? Обернешься и застрелишь, только и всего.
 - Но может быть, это нельзя убить, прошептала Сфандра. Она

была не на шутку испугана.

Не отвечая, Конан двинулся вперед, и она послушно последовала за ним отчасти потому, что боялась потеряться в густом тумане.

Не проехали они и десяти шагов, как Конан тоже заметил мельтешение в кустах — на этот раз справа от путников. Похоже, за ними следят с обеих сторон, мрачно подумал варвар, коснувшись рукояти меча, интересно, сколько их там? И кто они такие?

Однако он даже не остановился. Кем бы ни были эти существа, здесь, в лесу, они у себя дома, им известны здесь все потайные тропы, все источники, все норы и потому хитрить и играть с ними в прятки — дело безнадежное. Конану и амазонке оставалось только одно — как ни в чем не бывало продвигаться вперед.

Так прошло еще около часа. То и дело то справа, то слева мелькали какие-то неясные, смутные тени, которые тут же исчезали в тумане. Солнце между тем поднималось все выше, и по мере того, как туман рассеивался, все отчетливее и яснее варвар и его притихшая спутница различали по обе стороны от тропинки коренастые фигурки в плащах с капюшонами. Путники делали вид, что не обращают на них внимания.

Наконец, дорогу им преградил завал. Старая ель лежала поперек тропинки. Она упала уже много лет назад, вывороченная с корнем какимто давним ураганом. Рядом с ней, оплетая ее ветвями и тонкими стволами, успели вырасти молодые деревца.

Перед этой преградой путников ждали.

Конан остановился. Подъехав к нему и слегка касаясь коленом его колена, рядом с варваром остановилась и Сфандра.

Десяток низкорослых бородатых человечков, вооруженных вилами, восседали на лохматых пони. Конан сразу приметил, что Алвари среди них не было. Зеленые щелки глаз, одинаковых на этих разных лицах, разглядывали людей с недобрым интересом. В тягостном молчании прошла минута или две.

Наконец; Конан громко сказал:

- Привет вам, люди леса. Если мы нарушили ваш обычай прошу простить нас, ибо мы сделали это по незнанию, а не злому умыслу.
- Кто ты, долговязый? хрипло крикнул маленький всадник на черном пони и задрал к Конану свою желтую раздвоенную бороду. Назови свое имя.
 - Я Конан из Киммерии.
 - А женщина? не унимался желтобородый. Кто она такая?
 - Мое имя Сфандра, сердито сказала девушка.

- Ты жена ему?
- Нет. Я свободная женщина, такой же воин, как любой мужчина.

Гномы неодобрительно загудели. Желтобородый пожевал губами и сказал:

— Не принято у нашего народа, чтобы женщина таскалась по свету. А коли уж пришлось странствовать, то не с кем попало, а лишь с мужем своим пристало это делать.

Сфандра вспыхнула и потянулась за мечом.

- Не тебе учить меня, коротышка! начала было она, но Конан быстро перебил ее.
- Мы не обсуждаем ваших обычаев, сказал он спокойно. Так позволь нам соблюдать наши.
- Вы на нашей земле, возразил гном, однако поучение прекратил. Вместо этого он спросил: Что вы ищете в нашем лесу?
- Серых обезьян так мог бы я солгать тебе, сказал Конан. Но я отвечу правду. Был один из вашего народа по имени Алвари.
- O! выдохнула толпа одним вздохом и расступилась, словно всех одинаково поразило упоминание этого имени.

Обрадованный впечатлением, которое произвели его слова. Конан продолжал:

- В поисках волшебного талисмана он отправился в гирканские степи и там попал в плен.
 - Ему и это известно, зашептались всадники на мохноногих пони.
- Если ты все знаешь, сказал желтобородый видимо, предводитель отряда, то скажи: как он избежал лютой гибели? Кто спас его из рук людей?
 - Я, тут же ответил Кован, наслаждаясь произведенным эффектом. Первым опомнился желтобородый.
- Не хочешь ли ты сказать, что сделал это из бескорыстных побуждений? Твое лицо не несет на себе печати доброты.

Конан ухмыльнулся.

— Разумеется. Алвари обещал мне, что проводит к тому месту, где хранится золото гномов.

Всадники угрожающе ощетинились вилами. Лошадь амазонки попятилась. Сфандра удержала ее, сжав коленями бока лошади, и крикнула низкорослым жителям леса:

— Эй, потише!

Предводитель гномов яростно сказал:

— Никогда не бывать такому, чтобы чужие руки прикоснулись к золоту

гномов. Алвари — предатель, если обещал тебе это.

— Он солгал мне, — невозмутимо продолжал Конан. — И когда я добыл для него синий камень Алазат, вызвал чары и исчез вместе с нашей добычей Я иду за ним, чтобы забрать причитающееся мне.

Желтобородый посовещался со своими воинами, после чего обернулся к Конану и спросил:

- Не ты ли тот, кому повинуется огненный дух?
- Конан широко улыбнулся.
- Наконец-то вы меня узнали. Бросив на него странный взгляд, предводитель маленьких воинов сказал:
 - Следуй за нами.

Селение лесного народа раскинулось в чащобе высоко в горах. Путники увидели множество маленьких домиков с остроконечными крышами. Поначалу Конану и его спутнице показалось, что дома эти крыты черепицей, однако приглядевшись, они разглядели — все было сделано из дерева. Чешуйки, вырезанные из светлой древесины, блестели под солнцем, как серебряные. Дома лепились к склону горы и были соединены между собой крутыми деревянными лесенками с тонкими перилами.

— Оставьте лошадей здесь, — распорядился предводитель. — Они слишком велики для нашего селения. С ними здесь ничего не случится.

И Конан, и Сфандра привыкли доверять своим ногам, и для обоих расстаться с лошадью не было такой трагедией, как для степного кочевника, который без коня чувствует себя калекой. Другое дело — оружие. Но пока что от них не требовали, чтобы они оставили свои мечи и лук Сфандры Поэтому оба спешились, со спокойной душой привязали лошадей к стволам деревьев и отправились в поселок следом за желтобородым и его всадниками.

Жители толпились на лесенках возле домов, с любопытством глазея на пришельцев. Конан и Сфандра тоже бросали взгляды налево и направо,

— Никогда не подозревала, что возможно такое... — прошептала Сфандра.

Маленькие опрятные женщины, молодые и старые, в чепцах и вышитых фартуках, испуганно охали, прикрывая рты ладошками при виде таких гигантов. Маленькие мужчины в кожаных курточках с капюшонами (многие — с горняцким инструментом на плече, видно, бросили работу, чтобы полюбоваться на эдакое диво) горделиво вздергивали головы. Желтобородый со своим отрядом важно продвигался вперед, показывая дорогу рослым людям. Если бы Конан знал, что желтобородый сказал

своему маленькому народцу, будто бы он захватил великанов в плен и так якобы запугал их, что они теперь послушны его воле и дрожат от страха, варвар вряд ли был бы настроен так благодушно. К счастью для желтобородого, варвар полагал, что его с почетом провожают через поселок к сокровищам, дабы передать последнее в его руки. Поэтому он только поглядывал по сторонам и время от времени ухмылялся.

Наконец, поселок остался позади. Небольшой отряд и двое искателей приключений поднимались все выше в горы. Лес поредел. Кое-где на поверхность выступали скальные обнажения.

- Далеко нам еще идти? спросил Конан. Улыбка исчезла с его лица. Ему начинало казаться, что эти крохи на мохноногих лошадках его дурачат.
- Нет, не останавливаясь ответил предводитель гномов и поднял руку с вилами. Он указал на видневшуюся в скалах расселину. Видишь? Вон там вход в пещеру. Это главное святилище нашего народа.
- И идеальное место для засады, пробормотала Сфандра, погладив свой лук.

Конан, секунду назад подумавший то же самое, обменялся с ней быстрым, тревожным взглядом. Она пожала плечами. Варвар понял, что она хотела сказать: не отказываться же от сокровищ только потому, что в последний момент, у самого порога сокровищницы, они испугались! Даже если маленький народец замыслил какое-то коварство, не пристало воинам страшиться этого. В конце концов, было бы просто неприлично струсить перед какими-то карликами. Отвечая на невысказанную мысль Сфандры, Конан кивнул.

Между тем первые всадники уже скрылись в расселине. Один за другим исчезали они в пещере, которая словно заглатывала их узкой беззубой пастью. Сфандра замешкалась на пороге пещеры. Конан легонько подтолкнул ее в спину. На мгновение она прижалась к нему, после чего, прихрамывая, сделала несколько шагов навстречу неизвестности. Варвар еще раз оглянулся на лес, ничего подозрительного не обнаружил — и вошел в прохладный полумрак скального святилища гномов.

Он очутился в огромном зале. Всей кожей, всеми своими обостренными нервами варвар ощущал громаду подземного зала. Далеко наверху терялся потолок, который никогда не освещался — солнечные лучи не проникают сквозь каменную толщу, а слабому свету факелов не преодолеть такое чудовищное расстояние. На много миль вперед простиралась пещера. Цепочка огоньков уходила в глубину — это были спутники желтобородого с факелами в руках. Конан успел еще заметить,

как они один за другим снимают факелы со стены и зажигают их. Конан нашел в темноте руку Сфандры, сжал ее холодные пальцы, и вдвоем они двинулись следом за маленьким народцем, не ведая, куда на сей раз заведет их жажда наживы и неуемная тяга к приключениям.

Они шли и шли, а пещера становилась все больше и ей, казалось, не будет конца. Летучие мыши с писком проносились у них над головами, перепончатые крылья едва не касались лиц. От их взмахов колебалось пламя маленьких факелов. Неожиданно в темноте послышался отчаянный детский плач. Голос, тонкий, испуганный, прозвучал в гулкой пещере так чудовищно громко, что один из гномов в ужасе выронил факел, а у Конана волосы встали дыбом. В этой древней, страшной пещере могли обитать только летучие мыши, проклятые богами души... и, быть может, древние демоны, скованные заклятием. Никакого ребенка здесь быть не могло. И тем ужаснее было слышать детский плач здесь, в этой затхлой тьме. Сфандра вскрикнула и прижалась к своему спутнику. Конан сердито стиснул ее плечо.

— Это Кэн, — донесся издалека голос желтобородого. — Плачущая-Во-Тьме.

Теперь огоньки сдвинулись ближе, окружив кого-то плакавшего детским голосом в этой страшной, вечной тьме.

- Кэ-эн... жаловался тоненький голосок. Кэ-эн... Ах-Кэ-э-э-н...
- Я боюсь, прошептала Сфандра на ухо Конану. Варвар не ответил. От этого отчаянного плача у него самого мороз пошел по коже.

Факелы сгрудились в одном месте. Девушка и ее спутник видели теперь в прыгающем желтоватом свете огня черные, местами закопченные стены пещеры, встревоженные физиономии гномов. Свет метался, колеблемый сквозняком и взмахами крыльев летучих мышей, выхватывая из темноты то рыжую или белую бороду, то зеленые щелки глаз... И, наконец, люди разглядели Плачущую-Во-Тьме, Кэн.

Хрупкое, угловатое существо сидело на каменном полу среди трухи и пыли, обхватив острые коленки длинными, похожими на обезьяньи, руками. Неестественно длинные пальцы заканчивались коготками. Серые волосы Кэн в беспорядке падали на плечи и спину. Девочка — если только Плачущая-Во-Тьме была девочкой, а не древней-предревней старухой — была совершенно нагой, но холод пещеры, похоже, не страшил ее: все ее тощенькое жалкое тельце заросло пушистой серой шерсткой. И это создание, вызывающее одновременно и ужас, и сострадание, тянуло на одной ноте, не переставая:

— Кэ-э-эн...

Неожиданно она подняла голову, откинула с лица спутанные волосы и замолчала.

У нее было остренькое безволосое личико с тонкими, бескровными губами и огромными, круглыми, как плошки, ярко-желтыми глазами.

- Это мы, Кэн, народ горы и леса, спокойно сказал желтобородый. Ты ведь узнала нас, верно?
 - Кэ-эн... протянула Плачущая-Во-Тьме.
- Вот и хорошо, продолжал желтобородый. Он передал факел стоящему поблизости и подошел к девочке-старушке поближе, вынул чтото из-под плаща и протянул ей. Возьми, Кэн. Смотри, что мы принесли для тебя. Сладкий, душистый горный мед. Ведь ты очень любишь горный мед, маленькая Кэн?
- Ax, вздохнула Кэн, вытягивая вперед тоненькие лапки и хватая горшочек с медом. Ax. Кэн. Кэн.

Она опустила лицо над горшком, лизнула мед и тихонько зацокала.

Желтобородый улыбнулся, отступил на шаг, протянул руку за своим факелом.

Кэн тут же вздрогнула и вскинула голову. Вдруг пальцы ее, державшие горшок, разжались, она затряслась, вскочила, метнулась к стене и громко, пронзительно заверещала, широко открывая рот. В свете факелов блестели ее мелкие острые зубки и желтоватые клыки. Предводитель гномов бросился к ней, охватил за плечи, пытаясь успокоить, но почувствовав прикосновение чужой руки, Кэн снова закричала. От ее воплей у Сфандры зазвенело в ушах. Дрожа всем телом, Плачущая-Во-Тьме устремила взгляд круглых глаз-плошек на фигуры людей, темными громадами высившиеся за спинами гномов. Разевая рот, задирая над клыками верхнюю губу, Кэн кричала и кричала, и пещера была полна неизбывного первобытного ужаса, перед которым в бессилии отступает разум. Сфандра прижала ладони к ушам,

- Я больше не могу! вскрикнула она. Заставьте ее замолчать! Желтобородый, вне себя от страха, тряхнул Плачущую, и услышал сердитое шипение и новый крик.
 - Оставь ее, сказал Конан громко. Отпусти.

При звуке его голоса все стихло. Желтобородый выпустил Кэн и отошел от нее на несколько шагов. В тишине слышно было, как потрескивают факелы и тяжело дышит маленькое пещерное существо.

Конан сел на корточки, тронул разбившийся горшочек с медом. На большом черепке оставалось довольно-таки соблазнительная порция. Но

когда варвар встретился взглядом с Кэн, она зашипела.

Конан не понимал, почему они не могут просто пройти мимо, не обращая на Плачущую никакого внимания. Но он видел, что пока она не успокоится, им нельзя продолжать путь.

В ответ на шипение Кэн варвар глухо зарычал. Так на более слабого порыкивают старые волки, когда они сыты и в благодушном настроении. Острые уши Кэн шевельнулись под серыми волосами. Она моргнула, пискнула. Конан широко ухмыльнулся и засопел, дружески протягивая ей черепок. Кэн цокнула, потянулась паучьей лапкой... отдернула пальцы, снова потянулась. И, наконец, взяла.

Как сидел, на корточках, Конан отодвинулся подальше. Уловив его движение, Кэн на миг перестала лизать мед и бросила на варвара настороженный взгляд, но потом опять успокоено цокнула и возобновила трапезу.

Стараясь не обеспокоить Плачущую-Во-Тьме, гномы один за другим пустились в путь. Факелы потянулись дальше, в бесконечную темноту пещеры. Ступая бесшумно, последовали за ними и Конан со Сфандрой.

Когда они уже отошли на значительное расстояние от того места, где оставили Плачущую, Сфандра обернулась и посмотрела назад, но не увидела ничего.

— Интересно, кто она такая? — прошептала девушка. — Бедная малышка.

Один из низкорослых человечков, что шел ближе всех к амазонке, обернулся и значительно произнес:

- Будь почтительна, когда говоришь о Плачущей. Она хозяйка пещеры. Она владычица.
 - Сколько же ей лет? тихо спросила Сфандра.
 - Кто знает? Плачущая была всегда, последовал ответ.
- Она такая кроха, пробормотала Сфандра. Похожа на серую обезьянку. Неужели в ней есть Сила?
- Если не можешь сказать мудрого слова, лучше не говорить никакого, рассердился наконец маленький горный человечек, Кэн, Плачущая, не разгневать бы нам ее. Она и так испугалась чужестранцев. Кто знает, что сделает Кэн, если ярость овладеет ею.

Словно подтверждая его слова, впереди что-то загудело. Факелы стали быстро исчезать за поворотом. Схватив девушку за руку, варвар широким шагом устремился следом. Он не хотел остаться в темноте, не зная, куда идти, в то время как хитрые гномы скроются в потайном ходу, бросив чужеземцев в пещере на произвол судьбы.

Он почти бежал, обгоняя факел за факелом, пока, наконец, они со Сфандрой не оказались возле предводителя. Тот уже вступал в огромный зал, которым заканчивался подземный ход. Варвар и степная девушка выскочили из тоннеля и застыли, не в силах произнести ни слова при виде открывшейся перед ними картины.

Свод пещерного зала уходил далеко ввысь. Посреди темным блеском, точно ртутное, сверкало озеро. А вокруг молчаливой воды в мистическом порядке были разложены драгоценные камни, слитки золота, серебра, меди. С четырех сторон озеро охраняли золотые статуи, изображающие Кэн — или кого-то, очень похожего на Кэн, — только в отличие от той серой обезьянки, что хныкала в темноте тоннеля, эти были крылаты — из их лопаток росли перепончатые крылья, подобные крыльям летучих мышей. Раскинув неестественно длинные руки, четыре плакальщицы Кэн как бы заключали магическое сокровище в охранительный круг.

Гномы с факелами в руках встали вокруг озера, не решаясь ступить за незримую черту, обозначенную руками статуй. Свет факелов заплясал на гранях великолепных кристаллов, вспыхнул на слитках серебра; по лицам золотых статуй пробежали тени, и стало казаться, будто они оживают. Несмотря на то, что прежде плакальщицы показались Конану совершенно одинаковыми, теперь, в мягком отсвете пламени, он видел различия. Одна была постарше, другая помладше; две других казались близнецами, но и в выражении их лиц появились свои особенности. Та, что стояла справа от варвара, словно бы нахмурила брови, а та, что была слева, как будто слегка улыбнулась. Конан решил, что это игра света, и перестал ломать над этим голову.

Сфандра, дрожа — то ли от алчности, то ли от возбуждения при виде несметного сокровища, открывшегося перед ней, — вдруг подумала о человеке по имени Алазат. Как он прошел по этим лабиринтам — один, не имея ни факела, ни спутников, которые показали бы ему дорогу? Какой была его встреча с Плачущей-Во-Тьме? И что почувствовал он, когда увидел в тусклом свете золотые статуи, слитки драгоценных металлов, сверкающие грани кристаллов?

Откуда-то из темноты навстречу процессии вышел огневолосый Алвари. Ни Конан, ни Сфандра так и не поняли, прятался ли он в глубине пещерного зала или же пришел сюда по другому тоннелю.

Вперед выступил предводитель и заговорил с Алвари повелительным тоном:

— Мы посылали тебя в гирканские степи, Алвари, сын Алвари, дабы ты отыскал украденный из нашей сокровищницы синий камень Харра, ибо без Харры нас не слышит Луна и чары наши слабы.

— Я сделал то, ради чего меня посылал в степи мой народ, — отозвался Алвари.

Предводитель отряда подался вперед.

- Ты принес сюда камень?
- Да, громко сказал Алвари и вытащил из-под плаща большой синий кристалл. Резким движением воздев его над головой, он выкрикнул торжествующе:
 - Вот он.

Гигантское помещение озарилось мягким синим светом, тусклым и в то же время сильным. Теперь можно было различить даже своды пещеры, терявшиеся в необъятной выси.

Из всех присутствующих только Конан не испытывал благоговейного ужаса.

— Алвари, — произнес он в полной тишине, — ты лжец.

Все головы повернулись на звук этого голоса. Нимало не смущаясь, варвар продолжал:

- Когда я спас тебя из рук казаков, ты обещал мне золото гномов.
- Не заставляй меня уличать во лжи тебя, Конан-варвар, невозмутимо ответил Алвари. Сейчас, озаренный таинственным синим пламенем, он казался выше ростом, и во всей его приземистой фигурке появилась значительность, которой раньше не было. Я обещал тебе лишь одно: рано или поздно ты будешь стоять в этой пещере и созерцать сокровище моего народа. И вот ты здесь и видишь то, что сокрыто от глаз людских. Само по себе созерцание золота гномов уже благодеяние.
- Благодарю, сказал Конан кисло, но речь шла о том, что я заберу золото себе.
- Об этом оставь и мысли, чужеземец, резко вмешался предводитель.
 - Но Алвари...
- Алвари не вождь своего народа. Он не может говорить от имени всех, сказал предводитель.

Конан пожал плечами. Он ничего иного и не ожидал. Глупо было бы думать, что подземный народец так запросто расстанется с несметным богатством, которое, к тому же, служит для них источником своеобразного могущества.

— Мне не хочется действовать силой, — начал Конан. Гномы в полумраке зашевелились, угрожающе забряцало оружие. У варвара

неприятно заныло в животе, когда он подумал о том, что оружие им не поможет, если он осуществит свою угрозу. — Подумайте как следует, — повторил он. — Я все равно заберу то, что мне причитается, доживете вы до этого или погибнете.

- Нет! яростно сказал предводитель. Конан глубоко вздохнул. Сфандра содрогнулась, когда ее спутник внезапно заговорил на чужом, странном языке, примитивном и жестоком.
 - Сюда, огненный брат! сказал Конан. Добрая добыча!

Смрад распространился по пещере, вихрь заколебал пламя маленьких факелов. Синий, спокойный свет, исходивший от волшебного камня, вдруг словно бы отступил перед алыми сполохами, озаряющими огромный зал в скале. Безобразный, нагой, красный демон высился возле варвара, растянув в ухмылке клыкастую пасть.

— Хозяин звал, — умильно проговорило чудовище на том же глухом языке, понятном в этом зале только Конану. — Хозяин добрый. Назвал огненным братом.

Гномы сбились в кучу, в ужасе глядя на возникшего из ниоткуда монстра. Они, конечно, слышали от Алвари о том, что варвар подчинил себе ифрита, воспользовавшись нечестивыми чарами, но никак не ожидали, что им придется столкнуться с ифритом лицом к лицу. Ифрит между тем жадно смотрел на них, и из его полураскрытой пасти потекла слюна.

- Уступите ему! крикнул Алвари. Он ни перед чем не остановится.
- Лучше нам погибнуть, чем своими руками отдать сокровище какому-то чужеземцу, сказал предводитель. Узкие кошачьи зрачки его глаз расширились и засветились желтым огнем.
- Ифрит возьмет не только ваши жизни, возразил Конан. Я напущу его на ваш поселок. Подумайте о ваших женщинах, о детях. Эта необъятная утроба всегда голодна.
 - Ты не сделаешь этого! горячо сказала Сфандра.

Конан повернулся к ней. Его глаза пылали ледяной синевой. Озаренное с одной стороны голубым мертвенным светом камня Алазат Харра, а с другой беспокойным демоническим багрянцем, лицо варвара, похожее на чудовищную маску, было ужасно.

— Нет, — ответил он. — Я сделаю это. Меня хотят обмануть, обвести вокруг пальца. Пусть я дикарь, но я заставлю этих людишек сдержать слово.

И он поднял руку, готовясь отдать ифриту приказ.

- Будь ты проклят, прошептал предводитель. Мы отдадим тебе наше золото, Конан-варвар.
- Я вам не верю, сказал Конан. Вы пытались сделать из меня дурака. Второй раз у вас это не получится.
- Клянусь тебе Четырьмя Кэн, золото гномов будет твоим с той секунды, как ты наложишь на него руку, и твои кони вывезут его на свет солнца, торжественно произнес предводитель.
- Пусть Алвари оставит синий камень и подойдет ко мне, распорядился Конан.

Алвари повиновался, двигаясь с величайшей осторожностью.

— Сфандра, свяжи его, — распорядился Конан. — Он будет нашим заложником и проводником, пока мы ходим за лошадьми.

Затягивая узлы на запястьях и горле гнома, девушка кивнула.

- Ты хочешь опустошить всю сокровищницу?
- А что мелочиться? Варвар пожал плечами. Алазат-туранец уже поплатился за свою мелочность.

Нет, осторожничать, да экономить, да рассчитывать — это не по мне. Или все, или...

- Хозяин, пророкотал обиженный ифрит, где добыча? Есть хочу.
- Там, сказал Конан, указывая на темные воды озерца. Не смотри на этих мелких, изнуренных коротышек. Там прячутся другие. Изнеженные, сладкие. Твои будут.

Демон радостно взревел, предвкушая трапезу. Роняя зловонную слюну, он взвился под потолок пещеры, откуда с испуганным писком разлетелись во все стороны летучие мыши (одна или две, пылая, камнем упали на пол и тут же превратились в пепел)... а потом огненным столбом низвергся прямо в озеро. Послышался пронзительный визг, тут же заглушенный шипением, как будто в воду окунули горящее полено. Из озерца повалил желтый удушливый дым, от которого все присутствующие закашлялись. У Сфандры из глаз потекли слезы. Раздувая ноздри, варвар смотрел, как гибнет в воде ифрит. Из озера донеслось утробное "хозяин... добыча...", после чего все стихло.

Конан обтер руки о штаны — у него вспотели ладони. Предводитель гномов старался не встречаться с ним взглядом.

— Ну что, — произнес варвар как ни в чем не бывало, — я выполнил свою часть обещания. Теперь ваша очередь, не находишь?

Сфандра дернула за веревку, которой был связан Алвари, огненноволосый гном зашипел от злости, которую больше не считал нужным скрывать.

— А теперь Алвари проводит нас к выходу, а потом поможет пройти к сокровищнице с лошадьми, — распорядился Конан. — Он останется с нами, пока мы не спустимся с этих проклятых гор. И если что-нибудь будет не так — но чистой случайности, разумеется, — я переправлю его в родную деревню по частям.

Алвари обменялся с предводителем долгим, странным взглядом и кивнул.

- Да будет по твоему желанию, сказал варвару желтобородый. Голос его был полон печали.
- Ну вот, удовлетворенно произнес Конан, затягивая потуже подпругу седла. Думаю, придется одолжить еще пару пони. Посмотрим на месте. Сфандра, ты сможешь идти пешком?

Девушка пожала плечами.

- Ничего другого все равно не остается. Неожиданно Конан что-то вспомнил и рассмеялся.
 - Как я мог забыть! Алвари, ты ведь умеешь исцелять раны!

Связанный гном с ненавистью пронзил его взором ядовито-зеленых глаз и прошипел:

- Теперь я ради вас и пальцем не шевельну. Конан выругался на гортанном, грубом языке демонов и толкнул своего проводника кулаком в спину:
- Вперед, Алвари. На этот раз тебе не удастся улизнуть. Учти, если я замечу, что ты бормочешь свои дурацкие заклинания, я без предупреждения воткну

нож тебе в горло.

— Не сомневаюсь, — проворчал Алвари, покосился на бледное, осунувшееся лицо Сфандры, хотел было добавить что-то, но передумал.

Он поплелся вперед. За ним, с ножом в одной руке и удилами в другой двинулся Конан. Замыкала шествие Сфандра, которая вела в поводу вторую лошадь. Они прошли с милю. Конан чутко следил за тем, чтобы гном не вздумал кружить по лесу. Но нет, они двигались точно в том направлении, что и в первый раз. Алвари, похоже, не собирался рисковать и вел игру честно. И все же в его поведении то и дело проскальзывало нечто такое, что заставляло варвара настороженно следить за каждым его жестом. Конан постоянно ждал подвоха. Варварский инстинкт упорно говорил ему о том, что несмотря на показное смирение, Алвари затеял какую-то хитрость и уверен в успехе, даже если для него лично эта хитрость будет последней.

Они двигались уже больше часа. Солнце спускалось к горизонту, и

через весь лес протянулись золотистые лучи и длинные, черные тени. Стволы деревьев, незаметный прозрачный ручеек, сочащийся среди палой листвы, яркая зелень травяных пучков... Все было как в первый раз. За исключением одного. Несмотря на то, что они проделали уже значительное расстояние, никакой деревушки, раскинувшейся на склоне горы, не было и в помине. Не могла же она исчезнуть? Конану все меньше и меньше нравилось это. Алвари шел себе да шел, уводя их с девушкой в горы. А ни селения лесного народца, ни скал и пещер все не было. И с пути они нигде не сворачивали.

В конце концов, Конан не выдержал. Грубо схватив Алвари за плечо, он рявкнул:

— Куда ты нас ведешь?

Алвари остановился и злобно посмотрел на варвара.

- Как я устал от тебя, киммериец.
- Где мы? повторил свой вопрос Конан. Лучше не шути со мной, коротышка. Для того чтобы справиться с таким, как ты, даже с десятком таких, как ты, мне вовсе не потребуется помощь демона.
- Мы в лесу, ровным голосом произнес Алвари. В том самом. И когда-то здесь была или однажды появится Большая Пещера, и она станет сокровищницей народа гномов.
 - Не морочь мне голову, рассердился Конан.
- Я говорю правду. Гном поднял связанные руки, отер ими пот со лба. Ты можешь разрезать меня на куски, как грозился, но отсылать их некому, Конан. Ни моего народа, ни золота гномов больше нет в этом лесу.
 - Куда же они делись?

Конан все еще отказывался верить случившемуся. Вся эта чертовщина его злила и сбивала с толку.

— Попробуй понять, — сказал Алвари. — Да сядь ты, передохни. Спешить некуда. И благородная госпожа еле на ногах стоит, того гляди рухнет.

Ошеломленный, Конан уселся на упавший ствол дерева, почерневшего от сырости. Рядом прямо на листьях с усталым вздохом растянулась Сфандра. Гном стоял перед варваром, и лицо его было печальным и очень старым.

- Развяжи меня, тихо сказал Алвари. Я не убегу.
- Почему я должен верить тебе? огрызнулся Конан, однако полез за кинжалом и принялся перерезать веревки. Сфандра хорошо связала пленника, отметил он машинально.
 - Потому что мне некуда бежать, пояснил Алвари. Мое племя

ушло из этих мест в другое время или в другой мир — не знаю.

Он пошарил в листве, отыскал маленький ручеек и жадно припал к воде. Когда он снова выпрямился, к его мокрой бороде прилипли темные кругляшки листьев.

— Я уже говорил тебе как-то раз, варвар, что каждый камень из сокровищницы гномов — великая ценность, но только все камни и все золото, собранные вместе, обладают настоящей Силой и дают нам власть над мирами. Предположим, Харра камень, который говорит с Луной. А Соль — с Солнцем. А Черная Мара и Кровавая Мара — с планетой Пахром. Это ты понимаешь?

Конан кивнул. Он понимал одно: за каждый из этих камней в Аренджуне ему отвалили бы такое количество денег, что он мог бы купить себе небольшое королевство и еще осталось бы на наемную армию.

— Расположив камни соответственно тому, как расположены в небесном круге планеты, — продолжал Алвари, — мы устанавливаем взаимосвязь между ними. А теперь подумай, что будет, если передвинуть один из камней хоть ненамного?

Поскольку варвар погрузился в унылое молчание, Алвари ответил за него сам:

- Сместятся пространство и время. Нарушится гармония вселенной. Пусть на волосок но этого достаточно для того, чтобы исчезли и сокровища, и поселок, и мой народ...
- Куда? Потрясенная всем случившимся, Сфандра приподнялась на локтях.
 - Туда, где вам их не найти, сказал Алвари. И мне тоже.

Он обтер бороду, встряхнул мокрую руку и, не простившись, повернулся и зашагал в темноту. Конан хотел было задержать его, но понял, что это бессмысленно. Из объяснений Алвари варвар уловил едва ли половину, однако ему было ясно: в главном коротышка-гном не солгал, ни селения, ни сокровищницы в этих горах больше не было. Люди гор применили какую-то чудовищную магию и исчезли вместе с золотом. И они колдовали как раз в тот момент, когда киммериец, самонадеянно считая золото своим, пошел за лошадью, чтобы навьючить ее сокровищами. При этой мысли киммериец злобно заскрежетал зубами. Ему захотелось догнать Алвари и выместить на нем разочарование. Варвар вскочил с бревна, схватился за рукоять меча.

Угадав его намерение, Сфандра негромко произнесла:

— Оставь, Конан. Ему теперь и так несладко. Ведь он остался совсем один. И помолчав, добавила: — Интересно, они сумели забрать с собой

Плачущую-Во-Тьме?

Рассвет застал мужчину и женщину спящими. Крепко обнявшись, они лежали, наполовину зарывшись в опавшие листья. Над ними шелестели ветвями деревья. По лицам спящих пробегали тени.

Коренастый рыжебородый человечек смотрел на них, пристроившись на толстом суку старого дуба. Листва почти полностью скрывала его.

Наконец, женщина проснулась. Она зашевелилась в объятиях киммерийца, разбудив и его. Гном уселся поудобнее и склонил голову набок.

Конан заглянул в ясные глаза Сфандры и, рассмеявшись, провел широкой ладонью по ее волосам.

- А было неплохо вчера, правда? спросил он.
- Наглец, ответила она.
- Этот рыжий пройдоха Алвари не лгал, когда говорил о том, что ты плохо спишь по ночам, продолжал киммериец.

Сфандра опасно прищурила глаза.

— А я-то спал, как бревно, а проснувшись, думал только о золоте, сокрушенно добавил Конан. — Но ты убедила меня, детка. Ты просто чудо. Надеюсь, ты родишь мне сына. Синеглазого мальчишку, похожего на тебя и на меня.

Кипя от гнева, девушка закинула за плечи свой лук и колчан со стрелами и пошла к своей лошади.

- Эй, ты куда? удивился Конан. Вскакивая на спину лошади, Сфандра яростно сказала:
 - Надеюсь, что это будет дочь!

Ударив лошадь пятками, она пустила ее рысью и почти сразу скрылась в чаще.

Конан, полуоткрыв рот, долго смотрел в ту сторону, куда она ускакала, потом глубоко вздохнул и потряс головой.

— Никогда не понимал женщин, — пробормотал он и еще раз вздохнул. — Но, похоже, я потерял не только золото гномов. Не везет мне. Вечно в последний момент сокровище ускользает у меня из рук. Взять хотя бы тот клад в Дарше, который разграбили мы с этим пьяницей-гандером... как бишь его звали? Хороший парень был.

Он поднялся с земли, потуже затянул пояс, оседлал коня и повел его в поводу. Навстречу киммерийцу вставало солнце — день обещал быть жарким.

Алвари смотрел ему вслед, пока рослая фигура Конана не скрылась за стволами старых деревьев.